

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Здесь лежат
Гарри Дрезден
Он умер
за правое дело

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА
ХОЛОДНЫЕ ДНИ

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом,
боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

**Архивы Дрездена: История
призрака. Холодные дни**

«Азбука»

2011, 2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: История призрака. Холодные дни / Д. Батчер — «Азбука», 2011, 2012 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-23059-0

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... Не очень-то приятно, когда тебя убивают. Вот и Гарри Дрезден думает точно так же. Но представьте себе его удивление, когда вместо тихого местечка на кладбище он оказывается в Чикаго-Между – городе-чистилище, между миром мертвых и миром живых. И у Гарри теперь есть лишь два пути: либо остаться здесь и заняться полицейской работой, либо отправиться в мир живых, чтобы раскрыть собственное убийство. Правда, не иначе как в виде призрака. Гарри выбирает второе («История призрака»). Час от часу не легче. Мэб, Королева Воздуха и Тьмы, поручает Гарри – а он ее Зимний Рыцарь и послушаться приказов Королевы не может – убить не кого-нибудь, а свою дочь Мэйв, Зимнюю Леди. Но та, как и все фэйри, бессмертна. Поэтому задача невыполнима. Вроде бы. Да и надо ли подчиняться Мэб? А вдруг она повредила в уме? Или ею управляют какие-нибудь темные силы? В общем, для чародея Гарри куда ни сунься – одни проблемы («Холодные дни»). Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23059-0

© Батчер Д., 2011, 2012

© Азбука, 2011, 2012

Содержание

История призрака	7
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джим Батчер

Архивы Дрездена: История призрака; Холодные дни

Jim Butcher

GHOST STORY

Copyright © 2011 by Jim Butcher

COLD DAYS

Copyright © 2012 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency
(USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2014

© М. Г. Вершовский, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Батчер... разворачивает перед нами мрачноватое детективное полотно с мастерски сотканным, дышащим сверхъестественностью узором.

Booklist

Великолепная коллекция произведений, где герой снова и снова показывает, на что он способен, проникая в таинственные закоулки чарующего фантастического мира.

SFRevu

Гарри Дрезден – абсолютно оригинальный герой в абсолютно оригинальном мире. Каждая книга из этой серии – великое приключение.

Шарлин Харрис, автор цикла-бестселлера "Вампирские тайны"

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

История призрака

Небу, чьи пастельно-бронзовые краски вдохновили меня ввести в сюжет Мэб

Благодарности

Как всегда, моей признательности заслуживают многие люди, а места для ее выражения здесь не слишком много. На этот раз мне хотелось бы особенно поблагодарить моего редактора Энн, которая мирилась с тем, что я неоднократно задерживал и не вовремя сдавал рукопись. Уверен, что тем самым я доставил ей изрядную головную боль, как и некоторым сотрудникам издательства «Penguin», пытающимся составить расписание выхода книг. Мой агент Дженн оказала мне неоценимую помощь в улаживании всех этих тернистых вопросов, и ей тоже я искренне признателен. Я не преминул бы покаянно извиниться перед всеми вами, если бы имел убежденность, что это никогда больше не повторится. С учетом всех обстоятельств такие извинения могли бы показаться неискренними, поэтому я просто благодарю вас за терпение и понимание.

Участникам тест-группы «Beta Asylum» я должен выразить гораздо больше благодарности, чем обычно, особенно тем, кто уделил моей рукописи много внимания и времени в последние несколько недель перед новым «последним» сроком сдачи книги в печать. Ваши отзывы, поддержка и советы стали особенно бесценны.

Моим дорогим постоянным читателям выражаю особенный респект за вашу терпеливость, учитывая то, на чем я завершил предыдущий роман, а затем заставил всех ждать еще три месяца сверх обычного срока, пока наконец не убедился, что следующая книга – эта – готова к выходу. Наслаждайтесь! (Формально, ребята, роман «Перемены» НЕ закончился катастрофой. Серьезно.)

Конечно, я благодарен Шеннон, которой пришлось жить со мной во время этого более безумного, чем обычно, периода, пока создавался данный роман. Шеннон, я почти уверен, что снова стану нормальным в достаточно близком будущем. Постараюсь загладить свою вину.

Глава 1

Жить тяжело.

Умирать легко.

Для сотворения жизни требуется множество совпадений. Это должно происходить в месте, годном для проживания, а по масштабам Вселенной таких мест днем с огнем не найти. Кроме того, необходимо в той или иной мере наличие родителей. А еще с момента зачатия до родов тоже много всякого может произойти – не говоря уже о том, сколько сил и внимания требует уход за новым существом, пока оно не вырастет и не сделается самостоятельным.

Жизнь полна тяжелого труда, жертвенности и боли, и к тому моменту, когда мы перестаем расти, мы уже знаем, что начали умирать. Год за годом мы можем лишь беспомощно наблюдать, как стареет и дряхлеет наше тело, но инстинкт самосохранения заставляет нас жить дальше – из чего следует, что нам приходится проводить наши дни с жутким осознанием неотвратимости смерти. Сама по себе жизнь в таких условиях требует от нас огромных усилий, и этот процесс полон подводных камней и неожиданных затруднений.

По сравнению с этим прекратить жизнь несложно. Я бы даже сказал, легко. Это можно сделать, приложив минимум усилий: достаточно одного-единственного микроба, острого угла, тяжелого предмета... или нескольких унций свинца.

Так трудно взрастить. Так легко уничтожить.

Можно подумать, из-за этого мы ценим жизнь больше.

Я умер в воде.

Я так и не узнал, истек ли я кровью от пулевого ранения или захлебнулся водой. Забавно: при жизни мы больше всего боимся смерти. Но стоит ей произойти – и подробности ее нам уже не важны. Да и сама смерть нас больше не пугает. Слышали, что рассказывают пережившие клиническую смерть? Ну, про туннель и свет в дальнем его конце? Так вот, я там был. Все так и есть.

Правда, я нигде не встречал, чтобы кто-то, спеша на этот самый свет, услышал оглушительный гудок тепловоза.

До меня смутно дошло, что я стою на чем-то вроде рельсов и шпал. Я понял это по их вибрации, усиливавшейся по мере приближения поезда. Она передавалась мне через подошвы башмаков – и сердце мое тоже забилося быстрее в такт этой вибрации.

Кстати, не я ли только что говорил, что смерть после смерти больше не страшна? Забудьте.

Все же я упрямо подбочился и насупился, глядя на приближающийся свет. Слишком утомительные сутки у меня выдались: я сражался с силами зла, уничтожил под корень всю Красную Коллегию, спас собственную дочь, убил ее мать... ах да, еще меня самого застрелили насмерть. В общем, все в таком роде.

Мне полагалось бы покоиться с миром, или раствориться в божественном сиянии, или стоять в очереди на американские горки, а может, вариться в котле под громкую музыку с одним Барри Манилоу в плей-листе. Ведь именно так происходит, когда вы умираете. Каждому воздается по заслугам. Вы получаете ответ на главные вопросы жизни.

– Но не попадаете под поезд, – угрюмо буркнул я, скрестив руки на груди, расставив ноги и упрямо выпятив подбородок.

Поезд тем временем с грохотом приближался.

– Что это с вами? – проревел мужской голос почти у меня над ухом. Чья-то сильная рука ухватила меня за правый локоть и рывком сдернула с рельсов. – Вы что, чертова поезда не видите?

Упомянутый поезд с ревом пронесся мимо – разъяренный зверь, рычащий в досаде на упущенную добычу. Поднятый им вихрь едва не затянул меня обратно на рельсы.

Прошла, казалось, вечность, пока последний вагон не скрылся в ночи. Я полежал ничком еще немного, задыхаясь, с отчаянно колотящимся сердцем. Только дождавшись, пока оно чуть-чуть не уймется, я приподнял голову и огляделся по сторонам.

Я валялся на чистой, хотя и потрескавшейся от времени бетонной платформе, под фонарем – таких станций в чикагских пригородах хоть отбавляй. Эта показалась мне знакомой, но точно вспомнить ее мне не удалось. Я не увидел ни одного пассажира. Ни вывесок с названием, ни расписаний. Просто платформа и пустое, чистое, лишенное каких-либо особых примет здание.

И пара начищенных штиблет.

Взгляд мой скользнул вверх по штанинам и запечатлел мужчину лет тридцати, смотревшего на меня сверху вниз. Сложением он напоминал хорошую наковальню; казалось, что, если вы вдруг, сдавая машину задним ходом, ненароком на него наедете, он останется невредим, а вы помнете крыло. Темные глаза светились живым умом, волосы уже начали редеть, и, хотя красавцем я бы его не назвал, лицо его было из тех, что помимо твоей воли вызывают доверие.

– Поезда на юг в последнее время ходят довольно быстро, – заметил он. – Я так решил, что вы, мистер, не особенно стремитесь попасть именно на этот.

Я продолжал молча таращиться на стоявшего передо мной мужчину. Добавив мысленно лет двадцать возраста и фунтов сорок веса, я понял, что он мне знаком.

– К... – пробормотал я, заикаясь. – К-к-к...

– Давайте попробуем вместе, – предложил он. – Кармайкл.

– Но вы же... – не выдержал я. – Того... умерли.

Он фыркнул:

– Ну да, приятель. Зато теперь у нас будет настоящий, лицензированный детектив. Чародей в придачу. – Он с ухмылкой протянул мне руку. – А вообще, кто бы говорил, а, Дрезден?

Оглушенный, я поднял руку и позволил сержанту Рону Кармайклу, бывшему сотруднику отдела специальных расследований чикагской полиции, поднять меня на ноги. Он работал с Мёрфи. И он отдал жизнь, спасая ее от обезумевшего луп-гару... адские погребушки, уже больше десятка лет прошло! Я сам видел, как он погиб.

Приняв более или менее вертикальное положение, я некоторое время смотрел на него, потрясенно качая головой. Ростом я был здорово повыше его.

– Вы... – пробормотал я. – Вы отлично выглядите.

– Просто удивительно, что с тобой может сделать загробная жизнь. – Он театрально округлил глаза. – А ведь какие только средства я не пробовал, чтобы похудеть! – Кармайкл покосился на часы. – Все это, конечно, очень занятно, но нам пора двигаться.

– Э-э-э... – осторожно заметил я. – А куда именно двигаться?

Кармайкл поковырялся в зубах зубочисткой.

– В контору. Идем.

Я последовал за ним через станционное здание на улицу, где стоял старый золотистый «мустанг». Он обошел машину и сел за руль. Было темно. Моросил дождь. Фонари горели, но место выглядело заброшенным – никого, кроме нас двоих. Я все еще не мог определить, в каком районе Чикаго мы находимся, и это показалось мне чертовски странным: я неплохо знаю свой город. Секунду-другую я медлил, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь знакомого ориентира.

Кармайкл перегнулся через сиденье и распахнул мне дверцу:

– Не ломайте голову, приятель. Здесь не только те дома, которые стоят, но и те, которые могли бы здесь стоять. Будете думать об этом слишком много – голова распухнет.

Я еще раз оглянулся, сел в «мустанг» и захлопнул за собой дверцу. Кармайкл медленно вырулил на пустую улицу.

– Это не Чикаго, – сказал я.

– Гениально, – дружелюбно заметил он.

– Тогда... где мы?

– Между.

– Между чем? – не понял я.

– Между чем? – переспросил он. – Между кем. Между где. Между когда.

Я нахмурился:

– Вы не упомянули «почему».

Он покачал головой и ухмыльнулся:

– Не-а, дружище. К «почему» мы здесь относимся с большим почтением. Мы, можно сказать, большие поклонники «почему».

Я нахмурился чуть сильнее:

– Почему я здесь?

– Вы никогда не слышали о прологе? – ответил Кармайкл вопросом на вопрос. – Хотите сразу перейти к основному действию?

– «Почему я здесь» – в смысле «а не там, где мне вроде бы положено находиться».

– Может, вы сейчас пребываете где-то при смерти, – предположил Кармайкл. – Может, вы тонете и все это иллюзия, которую создает вам мозг, чтобы укрыть от вас суровую правду.

– Здесь? С вами? Я встречался со своим подсознанием – оно, конечно, безумно, но не настолько.

Кармайкл рассмеялся – громко, тепло, от души.

– Но такое здесь вполне могло бы происходить. Вот в этом и суть.

– Ничего не понимаю. Вообще ничего.

– И в этом тоже суть, – кивнул он.

Я испепелил его взглядом.

– Приятель, – сказал он, продолжая улыбаться, – вам позволено увидеть ровно столько, сколько вы в состоянии переварить. Прямо сейчас мы с вами находимся в каком-то месте, которое сильно смахивает на Чикаго, едем под дождем в моем старом «мустанге», потому что таковы ваши пределы восприятия. Все, что сложнее, предотвратило бы... – он помолчал, подбирая слова, – возможность вероятностей, а у нас здесь это нецелесообразно.

Я немного подумал.

– Вы употребили «предотвратило» и «нецелесообразно» в одном предложении.

– Я тут раздобыл календарь «по слову в день», – сказал он. – Не поднимайте лишнего шума из-за пустяка.

– Да вы смеетесь? – осведомился я, откидываясь на спинку сиденья. – Поднимать шум – для меня смысл жизни.

Кармайкл хмыкнул и сощурил глаза.

– Посмотрим, – сказал он. – Посмотрим.

Глава 2

Кармайкл остановил «мустанг» перед домом, напомнившим мне ранние серии «Сетей зла». Он припарковался у безлюдного тротуара, и мы направились к дверям.

– Так куда мы все-таки идем?

– Я же сказал. В контору.

Я нахмурился:

– А поконкретнее нельзя?

Он огляделся по сторонам:

– Не здесь. Эта территория небезопасна. Здесь повсюду уши.

Я задержался на совершенно пустом тротуаре и посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую: ничего, кроме редких фонарей, дорожных знаков и окон, за которыми не виднелось ни света, ни занавесок, – ни дать ни взять пустые глазницы трупа, даже еще менее выразительные.

– Угу, – заметил я. – Просто сплошная интрига.

Кармайкл тоже задержался в дверях и оглянулся через плечо. Пару секунд он молчал, потом заговорил тихим голосом, лишенным даже намека на шутку:

– Здесь водятся существа, Дрезден. И некоторые из них хуже, чем смерть. Так что лучше бы вам войти.

Я закатил глаза. Но...

Что-то в окружающей меня пустоте вдруг начало изрядно действовать мне на нервы.

Я сунул руки в карманы и попытался войти в здание не спеша, прогулочным шагом. Эффект оказался немного смазан ярко выраженным желанием отгородиться от этой пустоты

надежной каменной стеной. Кармайкл отворил дверь ключом и пропустил меня внутрь первым. Прежде чем снова запереть дверь, он еще раз внимательно оглядел пустую улицу.

Кармайкл кивнул охраннику, патрульному полицейскому в парадной форме. Тот стоял у дверей лифта в непринужденной позе, заложив руки за спину. Мундир у охранника был просто идеален. Идеально чист, с идеально отутюженными стрелками, и перчатки безукоризненно белые. Из лакированной черной кобуры на поясе торчала хромированная, с гравировкой рукоятка револьвера. Черты лица тоже соответствовали одежде: правильные, волевые, строгие.

Я задержался, хмуро глядя на охранника, и включил Зрение.

Профессиональные чародеи вроде меня имеют в распоряжении самые разные невероятные штуковины. Одной из самых невероятных является Зрение. То, что в разные эпохи и в разных культурах называли внутренним зрением, третьим глазом, дьявольским оком и еще много как. Оно позволяет чародею видеть истинную природу окружающих его вещей, а также невидимый мир энергий. Это опасная штука. Стоит вам увидеть что-то с помощью Зрения, и оно останется с вами навсегда, не стираясь из памяти и не тускнея со временем. Одного взгляда на что-нибудь недостаточно, чтобы распрощаться со здравым рассудком.

Но от всей этой сцены слишком отдавало фильмами Рода Серлинга. Мне просто необходимо было найти хоть что-нибудь, что я мог бы идентифицировать, что-то знакомое, нечто такое, чем бы меня не кормил с ложечки некто, похожий на помолодевшего, постройневшего Кармайкла. Вот я и решил попытаться идентифицировать единственный объект, который, скорее всего, мог бы рассказать мне кое-что о тех, кто меня окружает, – источник энергии.

Я сосредоточил внимание на пистолете охранника.

В течение секунды ничего не происходило. Потом серебро и чернение блестящего оружия изменились, и оно начало менять форму. Кобура удлинилась на глазах, опустившись охраннику до щиколотки, да и сам револьвер тоже изменился: рукоять распрямилась и превратилась в эфес классического меча. От него исходило сияние – нет, не отраженный свет, а собственное свечение клинка.

Взгляд голубых глаз охранника мгновенно скользнул ко мне. Он предупреждающе поднял руку.

– Не надо, – мягко произнес он.

Внезапно, словно передо мной захлопнули невидимую дверь, мой Взгляд выключился, и оружие снова превратилось в пистолет.

Охранник кивнул мне:

– Прошу прощения за резкость. Вы могли пострадать.

Я присмотрелся к нему. На бейджике виднелось имя: «АМИТИИЛ».

– Э-э-э... Ну да, конечно, – тихо произнес я, демонстрируя ему пустые руки. – Никаких проблем, приятель. Нет, правда.

Кармайкл уважительно кивнул охраннику и ткнул пальцем в кнопку вызова лифта. Дверь раздвинулась сразу же.

– Идемте, мистер. Время – деньги.

Охранник Амителил, похоже, счел это заявление забавным. Он улыбнулся и коснулся козырька фуражки двумя пальцами, салютуя Кармайклу. А потом снова застыл в расслабленной позе, невозмутимо глядя в ту пустоту, что действовала мне на нервы.

Двери лифта закрылись, и кабина, дернувшись, начала движение.

– Итак, – сказал я, – теперь, когда между нами и тем, насчет чего вы беспокоились, стоит как минимум один ангел-хранитель, вы можете мне сказать, куда мы направляемся?

К уголкам глаз Кармайкла сбежались морщинки.

– Я и так уже перерабатываю в качестве экскурсовода, Дрезден. Вам нужно поговорить с капитаном.

Кармайкл провел меня через помещение, уставленное офисными столами без перегородок. Все это напоминало отдел специальных расследований в чикагском управлении. За столами сидели несколько мужчин и женщин – они работали с бумагами, перебирали папки, разговаривали по телефону... ни дать ни взять за повседневной работой. Все до единого производило впечатление ровесников Кармайкла, пребывая в том возрасте, когда энергия молодости и жизненный опыт достигают некоторого подобия баланса. Я никого из них не узнал, но Кармайкл кивнул двум-трем в знак приветствия и получал ответные кивки. Он проследовал через весь зал к двери в единственный отдельный кабинет и постучал.

– Войдите, – послышался изнутри негромкий баритон.

Кармайкл распахнул дверь и пропустил меня в кабинет, маленький, но обжитой. Здесь стояли старые шкафы для документов, старый деревянный стол, несколько старых деревянных стульев. На столе – коробка для входящих документов, коробка для исходящих документов, игла для нанизывания бумаг и телефон с дисковым набором. Компьютера не было. Вместо него на боковом столике виднелась старая электрическая пишущая машинка.

Мужчина, сидевший за столом, тоже производил впечатление Кармайклова ровесника, а еще смахивал на профессионального боксера. Кожу вокруг глаз тут и там стягивали шрамы, а нос, похоже, не раз был сломан. Пиджак он снял и повесил на спинку стула, так что бицепсы, едва не рвавшие на нем белую рубашку, не скрывало ничто. Рукава он закатал выше локтя – и руки его в обхвате ненамного уступали деревянному телеграфному столбу, а крепостью, пожалуй, так и вообще не уступали. Образ дополняли светлая шевелюра, голубые глаза и челюсть, при виде которой в голове сразу возникали ассоциации с бульдогом. Мужчина тоже показался мне смутно знакомым.

– Джек, – обратился к нему Кармайкл, – это Дрезден.

Джек, не вставая, окинул меня взглядом с головы до пят и не произнес ни слова.

– Он всегда такой до первой чашки кофе, – объяснил мне Кармайкл. – Не принимайте это на свой счет.

– О! Кофе! – нарушил я воцарившуюся за этими словами тишину. – Неплохая мысль.

Пару секунд Джек внимательно на меня смотрел.

– Дрезден, – произнес он эдаким медовым голосом. – Дрезден, вы голодны?

– Нет.

– А пить хочется?

Я немного подумал:

– Нет.

– Это потому, что вы умерли, – сообщил Джек, и по лицу его скользнула улыбка – короткая и не сказал бы, что ободряющая. – Вам больше не нужно пить. Вам больше не нужно есть. Кофе не будет.

Я вопросительно покосился на Кармайкла.

– Я остаюсь при своем мнении. – Кармайкл посмотрел на Джека и ткнул большим пальцем в сторону двери. – Мне нужно вернуться к делу с ракшасом.

– Иди, – произнес Джек.

Кармайкл хлопнул меня по руке.

– Удачи, парень, – сказал он, – развлекайся!

Он вышел уверенным шагом делового человека, оставив меня наедине с Джеком.

В воздухе повисло неловкое молчание.

– Это не совсем то, чего я ожидал от загробной жизни, – заявил я.

– Потому что это не она, – ответил Джек.

Я нахмурился:

– Вы же сказали, я умер. Значит, это загробная жизнь.

– Вы умерли, – подтвердил Джек. – Но это – Между.

Я нахмурился еще сильнее:

– Что-то вроде... чистилища?

Джек пожал плечами:

– Если вам так привычнее, можете называть и так. Но вы здесь не потому, что вам нужно очиститься. Вы здесь потому, что ваша смерть выбивается из общего ряда.

– Меня застрелили. Или утопили. Не самый редкий случай.

Джек поднял ручищу и помахал ею в воздухе:

– Речь не о физической стороне. О духовной.

– Духовной? – переспросил я, продолжая хмуриться.

– Ваши оппоненты, – пояснил Джек. – Вы погибли, потому что они смошенничали.

– Постойте. Какие оппоненты?

– Ангел, стоящий на часах у лифта, мог бы послужить тем, что мы, копы, называем зацепкой. Или вам портреты предьявить?

– Эм... Черт, вы имеете в виду... Настоящих Падших ангелов?

– Не совсем. Но если вам так привычнее считать, сойдет. Вроде этого. А вот что существенно и что вам стоит знать – так это то, что они плохие парни.

– Значит, – пробормотал я, – все из-за того, что они нарушили какие-то вселенские законы?

– Вы стояли у них на пути. Они хотели, чтобы вы исчезли. Для того чтобы это случилось, они нарушили законы. В результате вы стали уже моей проблемой.

Я смерил его хмурым взглядом, потом посмотрел на себя. Как выяснилось, на мне были джинсы, черная футболка без рисунка и мой черный кожаный плащ – который, будучи изорванным в хлам, погрузился в воды озера за час или два до того, как меня застрелили. Я имею в виду, плащ безвозвратно погиб.

Тем не менее он красовался на мне, целый и невредимый. Как новенький.

Вот это почему-то хлопнуло меня по мозгам сильнее, чем все остальное, вместе взятое.

Я умер.

Я умер!

Чикаго, Белый Совет, мои враги, мои друзья, моя дочь... Все это исчезло. Безвозвратно. И я не имел ни малейшего представления о том, что будет со мной дальше. Комната пошла кругом. Ноги разом сделались ватными. Я плюхнулся на стул лицом к Джеку.

Все это время я ощущал на себе его взгляд.

– Сынок, – произнес он, помолчав немного, – мы все через это проходим. Знаю, с этим трудно смириться, но тебе придется взять себя в руки, иначе я ничем не сумею тебе помочь.

Я зажмурился, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов и в первый раз обратил внимание на то, как замечательно я себя чувствую в физическом плане. Такого со мной не бывало с самого детства, когда энергия буквально захлестывала меня и я испытывал острую необходимость тратить ее направо и налево – желательно на что-нибудь приятное. Руки-ноги словно стали сильнее, быстрее, легче.

Я покосился на левую руку и увидел, что от шрамов, полученных в результате жуткого ожога несколько лет назад, не осталось и следа. Я сделался цел и невредим, словно со мной никогда и ничего не случалось.

Я попробовал мыслить логически, и до меня дошло, что на самом деле я не чувствую себя так уж хорошо, – просто мне не доставало длинного списка ранений и прочих травм. Старый-старый шрам чуть ниже правого локтя – я заработал его, чистя рыбину, которую поймали мы с дедом (дедом!), – тоже исчез.

Постоянное негромкое, но несмолкаемое нытье старых ран по всему телу исчезло без следа. Что, если подумать, вполне естественно, поскольку исчезло и само тело.

Боль прекратилась.

Я провел по лицу рукой.

– Простите, – пробормотал я. – Слишком много всего и сразу.

Он снова заулыбался:

– Ха. Просто подождите.

Его тон начинал меня раздражать. Что ж, раздражение являлось чем-то привычным, за что можно было держаться, и я, упершись в него широко расставленными воображаемыми ногами, сумел-таки остановить вращение стен.

– Итак, кто вы такой? – спросил я. – И чем можете мне помочь?

– Если вам хочется меня как-то называть, зовите меня «капитан». Или «Джек».

– Или «Воробей», – не удержался я.

Джек смерил меня полицейским взглядом, в котором не читалось ничего, кроме легкого, едва заметного неодобрения. Он выудил из стопки папку с бумагами и шлепнул на стол перед собой.

– Приятель, – заявил он, пробежавшись взглядом по ее содержимому, – вы тут застряли до тех пор, пока мы не разберемся с этим отклонением.

– Почему это?

– Потому что то, что ждет вас дальше, не для людей, которые ходят с оглядкой или жалуются, как с ними несправедливо обошлись, – невозмутимо объяснил Джек. – Вот мы и разберемся, как именно вас подставили. А потом вы переместитесь туда, куда положено дальше.

Я подумал о том, каково это – оказаться в западне в городе-призраке, и поежился.

– Ладно. Как нам в этом разобраться?

– Вы вернетесь, – ответил Джек. – И поймаете подонка, который вас убил.

– Вернусь? – переспросил я. – Назад, в...

– Угу, на землю, – подтвердил Джек. – В Чикаго. – Он захлопнул папку и кинул ее в стопку исходящих документов. – И выясните, кто вас убил.

Я заломил бровь:

– Да вы надо мной смеетесь!

Он молча смотрел на меня; лицо его веселостью не уступало горному кряжу.

Я закатил глаза:

– Вы хотите, чтобы я раскрыл мое собственное убийство?

Он пожал плечами:

– Хотите другую работу – устрою без проблем.

– Ух, – пробормотал я, снова поежившись. – Нет.

– Вот и хорошо, – кивнул он. – Вопросы есть?

– Э-э-э... – замялся я. – Что вы имели в виду, когда сказали, что отошлете меня обратно? В смысле... в мое тело или...

– Нет! – отрезал он. – Такого не получится. Нереально. Вы вернетесь таким, какой вы сейчас.

Я хмуро посмотрел на него, потом на себя.

– Призраком, значит, – сказал я.

Он развел руками так, словно не нашел чем возразить на изреченную мной истину.

– Не шатайтесь после рассвета. Осторожнее с порогами. Ну, сами знаете.

– Угу, – не без огорчения кивнул я. – Но без тела...

– У вас будет на порядок меньше магии. Большинство смертных не смогут ни увидеть вас, ни услышать. Вы не сможете ни к чему прикоснуться.

Я уставился на него:

– Как же мне, скажите, в таком виде искать хоть что-нибудь?

Джек поднял руки:

– Приятель, не я устанавливаю законы. Я только слежу за тем, чтобы они выполнялись.
– Он пристально посмотрел на меня. – И потом, мне казалось, вы работали детективом.

Я стиснул зубы и испепелил его взглядом. Вообще я умею изображать гнев, но на него это не произвело особого впечатления. Я заставил себя глубоко вдохнуть и выдохнуть.

– Раскрыть собственное убийство.

Он кивнул.

Все-таки я разозлился и не особенно смог это скрыть:

– Стало быть, я правильно понял? Того, что я всю свою сознательную жизнь пытался помогать людям и защищать их, недостаточно? И от меня требуется сделать еще что-то, прежде чем предстать перед святым Петром?

Джек пожал плечами:

– Я бы на вашем месте не был так уверен. С вашим-то досье, сынок, вы с таким же успехом можете оказаться на поезде, идущем на юг.

– В ад, – уточнил я. – Вы знаете, что такое ад, а, капитан Воробей? Ад – это когда вы смотрите на свою дочь, зная, что вы никогда больше к ней не прикоснетесь. Никогда с ней не заговорите. Никогда больше не сумеете помочь ей, защитить. Так что давайте, валяйте, где там ваше огненное озеро, – думаю, это и вполтину не так страшно.

– Кстати, в порядке информации, – невозмутимо заметил Джек, – я действительно знаю, что такое ад. Вы тут не единственный мертвый парень с живой дочерью.

Я откинулся на спинку стула, хмуро уставившись на капитана, потом вытянул шею и заглянул ему за спину, на висевший на стене пейзаж.

– Если для вас это имеет значение, – продолжал Джек, – трое из тех, кого вы любите, могут сильно пострадать, если вы не отыщете своего убийцу.

– Как это – «пострадать»?

– Покалечиться. Измениться. Сломаться.

– Кто именно? – поинтересовался я.

– А вот этого я вам сказать не могу. – Он покачал головой.

– Угу, – пробормотал я. – И как это я сам не догадался, что не можете?

Джек промолчал, а я немного поразмыслил. Может, я и умер, но уходить просто так я, черт подери, не собирался. Не мог же я бросить на произвол судьбы тех, кто помог мне победить Красного Короля. Мою ученицу Молли тяжело ранили в бою, но из всех ее проблем больше всего меня беспокоила не эта. Теперь, после моей смерти, никто уже не защитит ее от Белого Совета – а кое-кому из моих коллег-чародеев давно не терпелось отрубить ей голову.

Да и моя дочь, маленькая Мэгги, все еще находилась в Чикаго. Я лишил ее матери – точно так же, как кто-то другой лишил ее отца. Я не мог не удостовериться, что о ней позаботятся. А еще нужно бы попрощаться с дедом... и с Кэррин.

Господи... Что обнаружила Кэррин, вернувшись на катер? Здоровенную лужу крови? Мой труп? Ведь у нее хватит упрямства и дури вообразить, что в случившемся виновата она. Она же себя со свету сживет! Мне просто необходимо каким-нибудь образом связаться с ней, а из этой потусторонней Сибири этого никак не получится.

Об этих троих говорил капитан? Или он имел в виду кого-нибудь еще?

Черт! Черт!

Телесно я ощущал себя полным жизни и энергии, но голова устала невыносимо. Или я недостаточно всего совершил? Слишком мало кому помог? Спас слишком мало пленных? Победил слишком мало монстров? Я нажил врагов среди самых злобных и опасных существ нашей планеты и время от времени вступал с ними в схватку. Вот один из них меня и прикончил.

«Покойся с миром» – так написано чуть не на каждой могильной плите. Я бился с надвигающейся на мир волной зла, пока она в буквальном смысле не убила меня. И где, черт возьми, положенный мне покой? Где отдых?

«Трое из тех, кого вы любите, могут сильно пострадать, если вы не отыщете своего убийцу».

Воображение с готовностью принялось рисовать картины страданий самых дорогих мне людей. В результате чего все сразу сделалось проще и яснее. Не в моих привычках позволить, чтобы случилось что-то подобное.

Кроме того, было и еще кое-что, из-за чего я хотел вернуться. В конце концов... какой-то сукин сын, черт подери, убил меня.

Такое не должно сходиться с рук никому.

И если у меня имелась возможность выбраться из этого места, чтобы переместиться туда, куда мне полагалось, лучшей мотивации я бы не нашел.

– Ладно, – тихо произнес я. – Как это устроить?

Он придвинул ко мне через стол чистый лист бумаги и карандаш.

– Вам нужно отправиться в Чикаго, конкретное место прибытия на ваш выбор, – сказал он. – Напишите здесь адрес. Шофер вас высадит.

Я взял бумагу, карандаш и наморщил лоб, пытаюсь сообразить, куда мне ехать. И не потому, что я не мог показываться где угодно. Если уж мне суждено пребывать там чистым духом, рассчитывать на помощь своих обычных союзников я не могу. Для того чтобы увидеть духа, требуется особый дар, и вряд ли мне удастся хоть как-то обозначить свое присутствие. Мои друзья даже не поймут, что я рядом.

– Чисто из любопытства, – поинтересовался я. – Что произойдет, если я не поймаю убийцу?

Лицо его разом посерьезнело, а голос сделался тише:

– Вы застрянете там. Возможно, навсегда. Не в состоянии связаться с кем-либо. Поговорить с кем-либо. Наблюдая за тем, что творится в мире, но не в силах ни на что повлиять.

– Мать-перемать! – тихо произнес я.

– Мать-перемать.

– Ободряющая перспектива.

– Вы мертвы, приятель, – заметил Джек. – Бодрость тут противопоказана.

Я кивнул.

Вообще-то, я рисковал как черт знает кто. Подумайте сами: застрять в здешнем чикаго-подобном чистилище, конечно, тоже не слишком приятно, но и пыткой это вряд ли станет, – судя по тому, что говорили Кармайкл и Джек, и по тому, как они вели свои дела, они все-таки могли приносить кому-то пользу, творить добро. То, чем они занимались, похоже, не вызывало у них особого восторга, но делали они это с уверенностью профессионалов.

Призрак, запертый в мире смертных? Это могло оказаться на порядок хуже. Вездесущий, всевидящий, но бессильный что-то изменить.

А ведь я так и не научился не вмешиваться в происходящее. Не пройдет и года, как я съеду с катушек и превращусь в жалкого, безумного, пойманного в ловушку бестелесности духа, бродящего по городу, который я при жизни защищал.

– Какого черта! – произнес я вслух и начал писать на листке. – Если я нужен друзьям, грех не попытаться.

Джек забрал у меня бумажку и кивнул – как мне показалось, одобрительно. Потом встал и натянул пиджак. В руке у него звякнули ключи от машины. Роста он был среднего, но в движениях его чувствовались уверенность и скрытая жесткая энергия – и это вновь показалось мне смутно знакомым.

– Пошли.

Несколько копов – я решил, что это копы, по крайней мере они занимались тем, чем обычно занимаются люди этой профессии, – кивнули Джеку, когда мы проходили.

– Эй! – окликнул нас кто-то из-за спины. – Мёрфи!

Джек остановился и обернулся.

Тип в костюме, который смотрелся бы уместным где-нибудь в Пинкертоновском агентстве девятнадцатого века, протягивал ему планшет с листком бумаги и ручку. Джек пробежал взглядом написанное на листке, поставил свой росчерк, вернул планшет владельцу и двинулся дальше.

Я сунул руки в карман плаща и зашагал рядом с ним.

– Капитан Колин Джек Мёрфи? – тихо спросил я.

Он только хмыкнул.

– Вы отец Кэррин. Вы работали с документами по делу «Черной кошки».

Он ничего не ответил. Мы спустились на лифте, миновали ангела-хранителя и вышли на улицу, где стоял у тротуара древний синий «бьюик-скайларк» – с плавниками на задних крыльях и складным верхом. Джек обошел его кругом и сел за руль. Я уселся на пассажирское место. Дождь барабанил по крыше.

С минуту он молча сидел за рулем, глядя куда-то в пустоту. Потом кивнул:

– Угу.

– Она о вас рассказывала.

Он снова кивнул:

– Я слышал, вы приглядывали за моей Кэрри.

«Кэрри»? Я попытался представить себе человека, который посмел бы назвать так Мёрфи в лицо. Роулинс, помнится, проделал это раз, но только раз, и он как-никак работал с ее отцом, когда она еще под стол пешком ходила. Роулинс, можно сказать, был все равно что член семьи.

Любому другому пришлось бы срочно стать Терминатором. С планеты Криптон.

– Иногда, – кивнул я. – Она не слишком-то нуждается в защите.

– Каждому нужен кто-то. – Он повернул ключ в замке зажигания, и мотор с довольным утробным урчанием завелся. Джек задумчиво погладил руль и поднял взгляд на дождь. – Вы еще можете отказаться от этого дела, приятель. До тех пор, пока вы не выйдете из этой машины. Стоит вам это сделать – считайте, вы выбрали свой путь и все, что отсюда следует.

– Ага, – решительно кивнул я. – Раньше начну – раньше закончу.

Уголок его рта приподнялся, и он тихо одобрительно хрюкнул. Потом заглянул в листок и прочитал написанный мной адрес:

– Почему именно туда?

– Потому что там я найду единственного человека в Чикаго, который, я уверен, сможет мне помочь, – ответил я.

Капитан Мёрфи кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Поехали.

Глава 3

Капитан Мёрфи остановил свой старый «скайларк» в жилом квартале в Харвуд-Хайтс, производившем впечатление такого же пустого и безлюдного, как и весь остальной город. Станный это был дом для Чикаго – белые оштукатуренные стены в сочетании с красной черепичной крышей, казалось, искусственно пересадили сюда откуда-нибудь из Южной Калифорнии. Впрочем, под непрерывным дождем, в унылом сером свете уличных фонарей он выглядел таким же холодным и безжизненным, как окружавшие его более традиционные постройки.

Дворники «бьюика» ритмично шваркали по ветровому стеклу.

– Стоит вам выйти из машины, – негромко произнес капитан Мёрфи, – пути назад вам больше нет. Вы сможете полагаться только на себя.

– Это мы уже проходили, – напомнил я и протянул ему руку. – Спасибо, капитан.

Мы обменялись рукопожатием. Я не пытался одолеть его хватку. Он не пытался раздавить мою руку. Мужчины, действительно умеющие постоять за себя, редко злоупотребляют этим.

Жаль, нам не довелось пересечься с капитаном Мёрфи в реальном мире. У меня сложилось впечатление, что союзник из него вышел бы замечательный.

– Возможно, мне удастся связаться с Кэррин, – сказал я.

– Никаких приветов. Я и так причинил ей немало зла, – произнес он, не дожидаясь, пока я договорю. В голосе его слышалась непререкаемая решительность. – Но вы можете передать здоровяку вон там, – он мотнул головой в сторону дома, – что это я вас прислал. Возможно, это не помешает.

Я кивнул. А потом сделал глубокий вдох, отворил дверцу машины и вышел в...

То, куда я вышел, произвело на меня в тот момент гораздо большее впечатление. Потому что стоило моим ногам коснуться земли, а дверце позади меня захлопнуться, как я оказался вовсе не в дождливом, безлюдном городе-трупце. Вместо этого я стоял на чикагской улице в ясный, морозный вечер. Дождя и след простыл. Над головой сияли луна и звезды и в сочетании с уличными огнями и свежевывающим снегом освещали улицу почти так же ярко, как днем.

Воздух наполняли звуки. Шум уличного движения, далекие гудки, уханье чьей-то мощной стереосистемы. Прогрохотал над головой заходивший на посадку реактивный самолет – я находился всего в нескольких милях от аэропорта О'Хара.

Я обернулся, но машина капитана Мёрфи исчезла – предположительно вернувшись в Чикаго-Между.

Я стоял один-одинешенек.

Я вздохнул. И, повернувшись, направился на двор Мортимера Линдквиста, эктоманта.

В свое время Морти украсил свой участок всякими штуками, предназначенными наводить страх на посетителей. Могильными камнями. Кованой чугунной оградой с большими воротами. Зловещим освещением. В темное время суток это и впрямь могло действовать на нервы достаточно чувствительным гостям, но по большей части выглядело набором дешевых аксессуаров к Хеллоуину.

Однако все меняется.

Морти избавился от всего дешевого мусора, за исключением ограды. Теперь он превратил двор в подобие японского сада. Здесь росло несколько аккуратно стриженных кустов и красовался маленький прудик с перекинутым через него деревянным мостиком. В деревянных кашпо росли деревца-бонсай, причем североамериканских пород. Как-то непривычно видеть то, что выглядит как взрослый дуб, только высотой дюймов в пятнадцать, с крошечными листиками.

В Чикаго найдется немного людей, продающих такие штуки, из чего следовало, что Морти вырастил все это сам. Если так, это потребовало от него уймы сил и терпения.

Я медленно подошел к воротам и протянул руку, чтобы отворить створку.

Моя рука прошла сквозь металл.

Да, я ведь знал уже, что я призрак, но опыта нематериальности мне явно не доставало. Я привык, что к предметам можно прикоснуться, ощупать их. Кисть покалывало, словно я отлежал ее после сна. Просунув руку чуть дальше, я увидел высовывающиеся из металла собственные пальцы. Для верности я пошевелил ими.

– Ладно, – буркнул я сам себе. – Ничего не поделаешь.

Я набрал в грудь побольше воздуха, словно собираясь броситься в воду. И, расправив плечи, ринулся вперед.

Ничего особенного не произошло. Только покололо тело иголками, но всего-то на короткое мгновение. А потом я оказался на другой стороне.

По вымощенной камнем дорожке я направился к парадному входу в дом Морти. Только поднявшись на мостик, я заметил мужчину, стоявшего в тени на крыльце.

Фигура его внушала уважение. Не тяжелоатлет или бодибилдер – просто крепкий, плечистый тип почти с меня ростом. Темные волосы чуть ниже затылка перехватывала лента. Длинная темно-синяя шинель доходила почти до икр; рукава ее украшал золотой позумент. Из-под шинели виднелся мундир: туго облегающая синяя куртка, белая рубаша, белые штаны и высокие черные башмаки. На плече его покоился тяжелый топор с длинным топорщиком. Свободной рукой он не спеша вытаскивал из-за пояса большой кремневый пистолет. Я остановился. Он нацелил пистолет более или менее в мою сторону.

– Стой! – выкрикнул он. – Назови себя, мерзавец, или изыди!

– Мерзавец? – оскорбился я, театральным жестом прижимая пальцы к груди. – Вам не кажется, что это не совсем справедливо?

– У тебя вид мерзавца! – прогрохотал незнакомец. – И прохиндея, и оборванца. Да хотя бы и конгрессмена. – Я увидел, как блеснули в темноте его зубы: он улыбнулся. – Как тебя звать, парень?

– Гарри Дрезден, – как можно отчетливее произнес я.

Ствол пистолета отклонился на пару градусов в сторону.

– Чародей?

– Бывший чародей, – уточнил я. – Точнее говоря, покойный Гарри Дрезден.

– Черт побери! – Незнамец сдвинул брови, словно раздумывая.

Надо сказать, это выражение лица не слишком-то сочеталось со всем его обликом.

– Если ты лжешь, – медленно проговорил он, – я не вижу причин поступать так, а стало быть, я должен тебя застрелить. Ежели же ты говоришь правду, твое присутствие представляет угрозу дому моего друга, стало быть, я тем более обязан тебя застрелить. – Он решительно кивнул и снова нацелил на меня ствол пистолета. – В любом случае...

Он явно собирался выстрелить. Я не знал, убьет меня это или нет, но весь мой жизненный опыт говорил о том, что это вполне могло произойти. По крайней мере, я полагал, это должно быть чертовски больно. Я никак не мог позволить этому громиле спустить курок. Впрочем, если его наряд соответствовал эпохе его земной жизни, это могло оказаться делом несложным.

– Вам не кажется, что застрелить меня было бы немного жестоко? – поинтересовался я. – Я безоружен, не угрожаю вам и не оскорбляю вас. Я даже вам представился. Тогда как вашего имени я до сих пор не знаю.

Мужчина в синей шинели как-то сразу смутился, и пистолет снова слегка отвернулся в сторону.

– Ах да. Гм... Прошу меня простить. В молодости в меня неважно вдолбили нормы обхождения, и этот недостаток, похоже, сказывается и в моем загробном существовании. – Он выпрямился и, буквально щелкнув каблуками, отвесил мне легкий поклон – дуло пистолета при этом, правда, не отклонилось от меня ни на дюйм. – Покойный сэр Стюарт Винчестер, колониальная морская пехота.

Я удивленно изогнул бровь:

– Сэр Стюарт? Колониальная морская пехота?

Он пожал плечами:

– Запутанная история, долго объяснять.

– Ладно, Стью, – кивнул я. – При всем моем уважении, дело у меня не к вам. К мистеру Линдквисту.

– Не уверен, – фыркнул Стью. – У вас есть приглашение?

Секунду я непонимающе смотрел на него, затем ответил:

– Я, конечно, новичок в ваших призрачных делах, но уверен, что у вас здесь нет загробной почты для рассылки приглашений призракам.

– Вы бы удивились, узнав, сколько почтальонов не оставляет за собой тени, – возразил Стью. – Я так думаю, это привычка заставляет их и после смерти совершать свои обходы. Бедолаги даже не понимают, что что-то изменилось.

– Не уходите от темы, – настаивал я. – Мне нужно поговорить с Морти.

– Мне очень жаль, сэр, – отозвался Стью. – Однако у меня имеется недвусмысленный приказ: буде появятся непрошенные гости, не допускать их в дом.

– И вы обязаны исполнять приказы Морти?

– Можно подумать, приятель, вы сможете переступить порог этого дома без приглашения, – заметил он.

– Верно, – кивнул я. – Так обязаны?

– Нас никто не принуждает, – искренне ответил Стью. – Мы оказываем ему помощь из дружбы, уважения и... – Он вздохнул и признался: – И от скуки. Видит бог, этот город надоедает уже спустя полвека, а я болтаюсь здесь раза в четыре с лишним дольше.

Я невольно ухмыльнулся:

– Стью, позвольте вам пообещать кое-что. Можно сказать, даже поклясться. Я пришел к Морти за помощью, а не для того чтобы вредить ему, и я совершенно уверен, что мое присутствие здесь не усугубит вашей скуки.

Стью от души расхохотался и раскрыл рот, чтобы сказать что-то, но осекся и задумчиво на меня посмотрел, барабанив пальцем по казеннику пистолета.

– Кстати, если это что-нибудь вам говорит, – добавил я, – сюда меня подбросил Джек Мёрфи. Советовал мне упомянуть его имя.

Брови у Стью взмыли на лоб. Я буквально видел, как вращаются у него в голове шестеренки. Похоже, в спринте победа им не светила, зато на длинных дистанциях можно было не сомневаться в их надежности.

– Правда? – Он прикусил губу. – Славный мужик. Хоть и ирландец.

– На вашем месте, – фыркнул я, – в его присутствии я бы не...

Волна ледящего холода накатила на меня со спины, словно там, совсем рядом, распахнули дверь большого складского холодильника.

Я оглянулся и увидел в каких-то пяти ярдах скользящую ко мне над землей серую чело-векообразную фигуру. Деталей было не разобрать, пропорции казались немного неестественными, словно у бракованной пластмассовой куклы. Собственно говоря, никаких особых черт у нее и не имелось, только осунувшееся, похожее на череп лицо с зияющими темными глазами и широко разинутым провалом рта; казалось, нижняя челюсть висит на старых растянувшихся резинках.

Двигалась фигура, впрочем, со зловещей грацией, словно неподвластная силе тяжести и отталкивающаяся от земли только для перемещения. При этом она издавала звук: глухой, дребезжащий, приглушенный вздох. Так мог звучать исполненный боли стонущий крик, издаваемый человеком в агонии, у которого в легких уже не осталось воздуха.

Фигура приближалась, и по мере ее приближения делалось все холоднее.

– А ну назад! – рявкнул я. – Я не шучу.

Тварь еще раз оттолкнулась от земли кончиками пальцев, бездумная и изящная, как голодная медуза, только страшнее.

Я быстро отступил на пару шагов.

– Ладно, – буркнул я. – Как хочешь.

Я вскинул правую руку, напряг волю и выкрикнул:

– Fuego!

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего.

Я не ощутил в себе никакого бурления энергий. Никакого сопутствующего этому возбуждения, никакого вибрирующего напряжения, никакой вспышки в мозгу. Равно как не увидел раскаленного добела разряда, которому полагалось бы испепелить надвигающуюся тварь.

Магия исчезла.

Магия исчезла!

– Вот дерьмо! – поперхнулся я, отшатываясь от твари, с убийственным изяществом протянувшей пальцы к моему горлу.

Сдавленный вопль сделался громче и на несколько тонов выше. Вместо ногтей на кончиках пальцев мотались какие-то бесформенные ошметки, от которых исходил леденящий холод.

За моей спиной звонко клацнул взводимый курок кремневого пистолета.

Я оглянулся – как раз вовремя, чтобы увидеть ствол здорового старого пистолета Стью, уставленный практически мне в нос. Полагаю, в размерах дуло все-таки уступало железнодорожному туннелю, однако в тот момент оно представлялось мне воистину огромным.

Потусторонний холод буквально обжигал мне спину.

– Ложись! – крикнул Стью, но я, не дожидаясь его предупреждения, уже рухнул на землю.

Я больно ударился – похоже, бестелесное существование не освобождало меня от законов гравитации и связанных с этим неудобств, – и в это мгновение грянул выстрел.

Все происходило как во сне – достаточно медленно, чтобы разглядеть мельчайшие подробности, но и достаточно быстро, чтобы я осознавал всю невозможность повлиять на происходящее, как бы ни старался. Я ожидал услышать резкий хлопок выстрела – возможно, глухой удар, как это бывает при использовании дымного пороха, – и едва не оглох от такого рева, словно над выстрелом потрудились последовательно дюжина диджеев и миля железнодорожного туннеля. Вместо клуба порохового дыма из дула вырвались и разбежались круги тумана, переливавшегося всеми цветами радуги; в центре свет завихрялся, словно потревоженный пулей.

Да и пуля оказалась вовсе не куском свинца, а разноцветным светящимся шаром размером с мячик для гольфа. Он пролетел в паре футов от моей головы, но, клянусь, меня будто слегка обожгло огнем. От шара исходило низкое гудение, как от усиленной электричеством басовой струны, и вибрация звука проникала, казалось, до самых костей.

Я повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как шар врезался в грудь надвигающейся твари. Эта не-пуля продырявила в ее теле дырку размером с мой кулак, из которой вытекло облачко пара. В облаке клубился свет, словно в луче старого кинопроектора, и я вдруг разглядел в нем призрачные образы – неясные, искаженные, словно кто-то склеил ролик из обрезков киноплёнки, собранных на полу монтажной.

Образы стали темнеть и наконец исчезли совсем, оставив за собой тающее облачко тумана. Только тут до меня дошло, что серая фигура оседает, как бурдюк, из которого медленно вытекает вода.

Туман растворился. От серой фигуры остался только уродливый, бесформенный комочек на земле.

По ступеням крыльца прогремели шаги, и Стью встал между мной и этой тварью, чем бы она ни была. Пока руки его отработанными движениями перезаряжали пистолет, засыпая в ствол порох из рожка и утрамбовывая пыж коротким шомполом, взгляд не переставал настойчиво шарить по улице.

– Что это, черт подери, такое было? – выдохнул я.

– Дух, – негромко, с бесстрастностью профессионала отозвался он. – Призрак вроде меня или вас, поддавшийся отчаянию и лишившийся остатков рассудка.

– Опасный?

– Исключительно опасный, – подтвердил Стью, повернулся и посмотрел на меня. – Особенно для таких, как вы.

– Как я?

– Для свежих теней. У вас ни на грош нет опыта по части того, как себя здесь защитить. И спрятаться свежим теням, таким как вы, тоже нет никакой возможности: от вас за версту разит жизнью. – Он нахмурился. – От вас особенно.

– Возможно, потому, что я чародей.

Стью кивнул:

– Похоже на то.

– Что бы случилось, если... – Я мотнул головой в сторону останков духа.

– Он пожрал бы ваши воспоминания, – тихо ответил Стью.

Я обдумал эту информацию и посмотрел на останки еще раз – почти с тоской.

– Ну, не знаю. От некоторых я не прочь бы и сам избавиться.

Стью сунул заряженный пистолет обратно за пояс.

– Для теней вроде нас воспоминания – все. Жизнь, пища и сила. Мы сами теперь воспоминания, чародей.

– Те образы в тумане, – вспомнил я. – Ну, когда оно... он умирал. Это его воспоминания?

– Угу. То, что от них осталось.

Стью подался вперед и склонился над останками. Потом протянул руку ладонью вниз и сделал глубокий вдох. Над останками призрака снова за клубился светящийся туман. Он поплыл вверх и втянулся в грудь Стью, впитавшись в нее, как вода в мох. Когда все закончилось, морской пехотинец распрямился и вздохнул.

Что бы ни убило духа, оно явно состояло из того же вещества, что и сам сэр Стюарт. Значит, если призраки представляют собой воспоминания...

– Пуля, – спросил я, – вы слепили ее из воспоминания?

– Само собой, – кивнул он, и на лице его обозначилась легкая мечтательная грусть. – Из яркого. Настанет день, я отолюю из него новую пулю.

– Спасибо, – сказал я, – за то, что помогли.

– Должен признать, я завалил бедолагу не только ради вас. Вы для любого духа просто пир желанный. Только что из мира живых, в вас еще сохранились какие-то жизненные соки, а уж воспоминаний свежих – ешь не хочу. Дух, пожравший вас, обрел бы огромную силу, оставшись при этом все таким же злобным. Такой мог бы угрожать миру живых с той же легкостью, что и миру духов. Этого я допустить не мог.

– О! – произнес я. – Все равно спасибо.

Стью кивнул и протянул мне руку. Я принял ее и поднялся.

– Мне нужно переговорить с Морти, – сказал я.

Еще не договорив, я увидел, как из темноты выплывают еще два духа. Оглянувшись, я увидел несколько других – и все они плыли в нашу сторону без видимых усилий, но довольно-таки быстро.

– Если вы поможете мне переступить порог этого дома, они, – я мотнул головой в сторону духов, – не смогут мне угрожать. А так я не умею от них защищаться. Они убьют меня. И если это случится, появление духов-монстров будет на вашей совести.

– Не будет, если я убью вас прежде, – заметил Стью, постучав пальцем по рукояти пистолета.

Я склонил голову набок и выразительно заглянул ему в лицо.

– А вот и нет, – сказал я. – Не убьете.

– Откуда вам, привидению, знать? – ровным голосом поинтересовался он. Но глаза его при этом улыбались.

– Я чародей, – проговорил я, придав своему голосу солидные многозначительные нотки.
– У нас свои способы.

Он промолчал, но взгляд его метался из стороны в сторону.

Я посерьезнел:

– Эти духи надвигаются, приятель.

Стью фыркнул:

– Духи всегда надвигаются. – Он достал пистолет и нацелил его мне в грудь. – Настоящим я беру вас в плен, покойный чародей. Держите руки на виду, следуйте моим указаниям, и мы замечательно поладим.

– Гм. Э-э-э... Идет.

Я продемонстрировал ему пустые руки.

Стью коротко кивнул:

– Что ж, кругом марш! Пойдем потолкуем с лысым коротышкой.

Глава 4

Следом за Стью я перешагнул порог – черт, это оказалось очень даже чувствительно – и на секунду-другую задержался обдумать ситуацию. Вообще-то, приглашать нематериальных существ могут только члены проживающей в доме семьи.

Значит, сэр Стюарт когда-то проживал в этом самом месте. Или приходился Морти родней. Известно ведь, что привидения в высшей степени трепетно относятся к родственным связям. Может, Стью, как один из предков Морти, специально присматривал за дальним потомком? Или же коротышка-эктомант давно уже пользовался услугами таких необычных сторожей, а я просто об этом не знал?

Занятно. Ко всему этому стоит хорошенько присмотреться.

Дом выглядел совсем не таким, каким я его помнил. То, что раньше служило театрально обставленной комнатой для спиритических сеансов, превратилось в гостиную с уютным мягким диваном и удобными стульями. До сих пор мне доводилось видеть только часть дома, однако, следуя за сэром Стюартом, я успел заметить, что домишко отремонтирован, заново обставлен и, несомненно, похорошел. Стью проводил меня в библиотеку или кабинет, где в камине уютно потрескивал огонь.

Похоже, Морти Линдквист перестал противиться неизбежному. Я видел его когда в парике, а когда с зачесанными на плешь волосами, а вот с честной лысиной во всю голову мне наблюдать его еще не приходилось. Право же, ровная сияющая кожа смотрелась куда лучше попыток ее прикрыть. А еще он со времени нашей последней встречи сбросил вес. Фотографировать его в качестве модели на обложку «Аберкромби и Фитч», конечно, не стали бы, но из расплывшегося толстяка Морти превратился во вполне себе складного мужчину. Ему было чуть за пятьдесят, рост не превышал пяти с полтиной футов, одежду его составляли черные брюки и серая шелковая рубашка, а на носу красовались стильные очки с маленькими прямоугольными линзами.

Он сидел за столом, на котором были разложены карты – то ли для гадания, то ли просто пасьянс... с моей точки зрения, смысла в обоих этих занятиях примерно поровну.

– Мне показалось, сэр Стюарт, или я действительно слышал выстрел? – рассеянно спросил Морти, пристально глядя на карты. Он уже протянул руку, чтобы перевернуть следующую, но вскинул голову и застыл, уставившись на меня. – О, ну замечательно...

– Привет, Морти, – сказал я.

– Это мне снится, – пробормотал Морти, поспешно вставая из-за стола и направляясь к двери в другую комнату. – Этого просто не может происходить. Чтобы так не повезло...

Я бросился вдогонку и следом за ним выскочил в коридор.

– Мне нужно поговорить...

– А мне плевать, – перебил меня Морти, не сбавляя шага, и сделал руками решительный отталкивающий жест. – Я вас не вижу. И не слышу, понятно, Дрезден? Мало того, что вы при жизни втягивали меня в разные истории. Так теперь еще и ваш дурацкий призрак туда же? Нет, и еще раз нет, чего бы вы ни хотели.

Мы вошли на кухню, где нас уже ждал, с легкой улыбкой скрестив руки на груди и приклонившись к стене, сэр Стюарт. Морти подлетел к большой банке печенья, сунул в рот одно и закрыл крышку.

– Ну же, Морти, не преувеличивайте, – не сдавался я. – Я всего-то пару раз обращался к вам, потому что вы неплохой профессионал и...

– Вздор! – отрубил Морти, резко оборачиваясь, чтобы испепелить меня взглядом. – Дрезден обращался ко мне только в таких отчаянных ситуациях, когда готов был звать на помощь даже самого последнего неудачника.

Я поморщился. Его описание наших взаимоотношений отчасти соответствовало истине. Но только отчасти.

– Морти, пожалуйста...

– Морти – что? – огрызнулся он. – Да вы надо мной издеваетесь. Даже не думайте впутывать меня в тот международный кризис, в который вы собираетесь вляпаться.

– Дружище, – взмолился я, – у меня, похоже, другого выбора не осталось. Или вы, или никто. Прошу вас. Только выслушайте меня...

Он издал короткий смешок, полный скепсиса:

– Нет, это вы, тень, меня выслушаете! «Нет» – значит нет. Не бывать этому. Вообще быть такого не может. Я сказал «нет»! – И захлопнул дверь прямо перед моим носом.

– Черт подери, Морти! – в сердцах крикнул я и ринулся вперед.

– Дрезден, стой!.. – успел произнести сэр Стюарт.

Он опоздал. Я врзался в дверь носом и всей физиономией и дурак дураком плюхнулся на пятую точку. Лицо начало пульсировать от боли – как, собственно, и положено, когда со всей дури вмазываешься портретом в крепкую дубовую дверь.

– ...те, – договорил сэр Стюарт, вздохнул и протянул руку, помогая мне встать. С его помощью я поднялся на ноги. – У этой комнаты двери покрыты краской, смешанной с особым порошком. Духам сквозь нее не пройти.

– Знаю, – мрачно отозвался я, ощутив досаду, что подобная идея не пришла мне в голову раньше, в бытность мою живым чародеем: получилась бы отличная дополнительная защита моей квартиры от враждебных духов.

Для нематериальных созданий противопопризрачный порошок обладает стопроцентной непроницаемостью. Брось в духа пригоршню такого, и это причинит ему неопишемую боль, обездвижив на некоторое время, словно ему разом добавили несколько центнеров веса. А покрой я им стены изнутри, и они сделались бы для призраков и прочей подобной шушеры неодолимым препятствием.

Конечно, в состав моего рецепта входит обедненный уран, поэтому покрывать им стены квартиры было бы несколько... гм... неразумно.

Впрочем, теперь нет смысла об этом рассуждать. Дом мой сгорел – в него бросил бутылку с коктейлем Молотова убийца-вампир, – а вместе с ним и практически все мои пожитки. Сохранилась только малая их часть, спрятанная в тайнике; одному Богу известно, что с ними случилось.

Впрочем, с учетом всех обстоятельств, не уверен, что это можно расценивать как потерю. Что толку в материальной собственности для мертвеца?

Я ощупал нос, морщась и ожидая обнаружить его сломанным к чертовой матери. Как ни странно, нос оказался цел, только рука перепачкалась в какой-то прозрачной слизи.

– Адские погремушки! Я что, превращаюсь в чертову эктоплазму?

Отставной морпех только ухмыльнулся:

– Вообще-то, для призрака это в порядке вещей. Да вы не обижайтесь на него, Дрезден. Порой он не сразу соображает.

– Мне некогда ждать, пока он сообразит, – возразил я. – Мне необходима его помощь.

Сэр Стюарт ухмыльнулся чуть шире:

– Но вы ведь не будете стоять здесь и повторять, как старая пластинка... как старая пластинка... как ста...

– Ха-ха! – без особого энтузиазма откликнулся я. – Люди, которым я дорог, могут пострадать, если я не начну действовать.

Сэр Стюарт задумчиво поджал губы:

– Сдается мне, если вы переживаете, что оставили кого-то без защиты, с ними давно уже чего-нибудь да случилось. Как-никак шесть месяцев прошло.

Я невольно разинул рот:

– Ч-чего? Шесть месяцев?

Призрак кивнул:

– Если быть точным, нынче девятое мая.

Я потрясенно уставился на него. Потом прислонился к Мортиной непробиваемой двери и, сползая по ней на пол, постарался сохранять более или менее вертикальное положение.

– Шесть месяцев?

– Именно.

– Но это... – Умом я понимал, что несу ерунду, но остановиться уже не мог. – Этого не может быть. Не может, и все тут. Я всего какой-то гребаный час как помер. Что это еще за фигня имени Рипа ван Винкля?

Сэр Стюарт серьезно, но все так же невозмутимо смотрел на меня:

– Время для нас, Дрезден, значит очень немного, так что и отцепиться от его течения проще простого. Помнится, я как-то пять лет потерял, заслушавшись альбомом «Пинк Флойд».

– Но там ведь, – я наугад ткнул пальцем в направлении окна, – снега чуть не по колено. И это май?

Голос его сделался суше:

– Телепрограмма, которую обычно смотрит Мортимер, излагала теорию, согласно которой эти изменения климата вызваны человеческим фактором.

Я собирался уже сказать что-нибудь обидное, может даже оскорбительное, но меня перебил внезапный звон покачивавшихся на нитях металлических пластинок... как это называется? Музыка ветра? Не прошло и секунды, как такой же звон послышался с другой стороны, так что игнорировать его стало довольно трудно.

– Это еще что? – поинтересовался я.

Вместо ответа сэр Стюарт повернулся и быстрым шагом направился к прихожей тем же путем, каким мы сюда пришли. Я поспешил за ним. В соседней комнате с потолка свешивалось с дюжину комплектов этих металлических шуток, и все они раскачивались, звеня на все лады, хотя движения воздуха в помещении не ощущалось.

Сэр Стюарт потянулся за своим топором, и тут до меня наконец дошло, на что я смотрю. Охранная сигнализация.

– Что происходит? – спросил я.

– Новое нападение, – бросил он. – У нас меньше чем полминуты. Давайте за мной.

Глава 5

– К оружию! – взревел сэр Стюарт. – Они снова идут на нас, ребята!

Перезвон сигнализации сделался вдвое громче, а из стен и пола дома эктоманта повалили человеческие фигуры – внезапные, как... как призраки, по-другому не скажешь. Гм...

Только что в помещении стояли лишь мы с сэром Стюартом, а спустя пару секунд мы уже возглавляли целую толпу неплохо вооруженных типов. По четкости и кажущейся материальности они, правда, заметно уступали сэру Стюарту. Они казались прозрачнее, туманнее. Сэра Стюарта я видел ясно и отчетливо, как если бы рядом со мной стоял живой человек, остальных же – словно по ту сторону улицы в особо сильный ливень.

Какой-то особой черты, отличавшей защитников Мортиного дома, я не заметил. Каждый казался эклектичным по-своему, а все вместе они смахивали на костюмированное собрание из музея американской истории.

Солдаты в разноцветных мундирах времен Войны за независимость соседствовали с одетыми в костюмы из шкур звероловами, индейцами и первыми поселенцами. Фермеры середины позапрошлого века стояли рядом с лавочниками начала двадцатого. Мужчины в строгих костюмах, некоторые с дробовиками, некоторые с автоматами Томпсона – явно забыв о горьких разногласиях времен забытого уже «сухого закона», – строились для атаки.

Рядом с громилами шагал отряд ополченцев времен покорения Запада, дополнявшихся полудюжиной самых настоящих, вооруженных пистолетами ковбоев в длинных брезентовых плащах и компанией типов в армейской форме шестидесятых годов, разгара вьетнамской войны.

– Ого! – заметил я. – Такое зрелище не каждый день увидишь.

Сэр Стюарт выхватил из-за пояса свой пистолет и взвел курок.

– Я в этом городе много лет провел. Много, очень много ночей. Однако вплоть до последних времен я бы с вами согласился.

Я еще раз оглянулся на маленькую армию сэра Стюарта. Тут мы как раз добрались до двери и прошли сквозь нее.

– Я... черт, ну и ощущениеце... так понимаю, это у вас не впервой?

– Вот уже пятую ночь все лезут и лезут, – подтвердил сэр Стюарт, сбегая с крыльца. – Держитесь за мной, Дрезден. И не подвернитесь мне под правую руку с топором.

Еще через пару шагов он остановился, и я встал сзади и чуть левее его. Ростом он уступал мне всего пару дюймов; должно быть, для своего времени он был прямо-таки великаном. Поэтому мне пришлось изо всех сил вытягивать шею, чтобы заглянуть поверх его головы.

Всю улицу заполнили безмолвные фигуры.

Мгновение я таращил на них глаза, пытаюсь понять, что же такое я вижу. За оградой на проезжей части толпились десятки, может быть, даже пара сотен духов вроде того, которого совсем недавно убрал сэр Стюарт. Все они казались какими-то дряблыми, пустотелыми, словно несдувшиеся воздушные шарiki, – мрачные, устрашающие человекообразные фигуры с неестественно темными провалами на месте глаз и ртов. Странное дело, вместо того чтобы нападать, они просто стояли ровными рядами, чуть наклонясь вперед, в нашу сторону, и жадно протягивая к дому руки-плети с заменявшими им пальцы бесформенными побегими. Впрочем, я ошибся, назвав их безмолвными: из зияющих ртов вырывались едва слышные, но полные боли стоны, и это медленно, но верно повышало повисшее в воздухе напряжение.

– А скажите мне, чародей, – обратился ко мне сэр Стюарт, – что вы видите?

– Чертову прорву духов, – едва слышно выдохнул я. – Которых я не знаю, как одолеть. – Надо сказать, по части смертоносного, целеустремленного вида они заметно уступали сэру Стюарту и его воинству, зато их было до ужаса много. – Что-то их здорово подстегнуло.

– А-а-а... – протянул он и, оглянувшись, сощурился. – Я-то думал, ваша братия отличается ясным взглядом.

Нахмурившись, я посмотрел на маленькое море духов еще раз. При этом я старался сосредоточить внимание, используя для этого весь опыт долгих часов упражнений, – и тут

вдруг увидел... Какие-то темные фигуры скользили вдоль рядов духов, хоронясь у тех за спиной. Они могли бы сойти за людей в темных одеждах, если бы не та неестественная легкость, с которой они перемещались. Мне почему-то пришли на ум акулы, почуявшие в воде запах крови.

– Четверо... нет, пятеро... шестеро, – прошептал я. – В задних рядах.

– Вот так-то лучше, – одобрительно кивнул сэр Стюарт. – Вот наш настоящий враг, парень. Эти бедные духи – всего лишь их псы.

Давненько я не ощущал себя таким неучем.

– Эм... А кто они такие?

– Лемуры. – Он произнес это слово на латинский манер: «лэ-мууры». – Твари, что отвернулись от Провидения и всецело предали злу. Им неведома жалость, они не знают ни сдержанности, ни...

– Страх? – предположил я. – Откуда им вообще знать страх?

Сэр Стюарт еще раз оглянулся через плечо и выразительно похлопал по рукояти своего топора:

– Нет, парень. Может, когда-то они и были бесстрашными. Но едва попробовали наложить лапищи на этот дом, и им пришлось быстро кое-чему научиться. – Он снова повернулся лицом к неприятелю и скомандовал: – По местам!

Призраки, ожидавшие у нас за спиной, устремились вперед и, рассыпавшись цепью, заняли перед домом оборонительную позицию. Я даже вздрогнул: многие из них не потрудились обогнуть нас по сторонам или сверху, а прошли под нами. Не прошло и секунды, как между домом и собравшимися духами выстроилась полукругом цепочка защитников. Они стояли, широко расставив ноги – у некоторых, казалось, ступни даже ушли в землю, а некоторые зависли в воздухе, – с оружием наготове.

Напряжение продолжало нарастать, а исполненные боли вздохи духов сделались громче.

– Гм... – подал голос я. – А что делать мне?

– Ничего, – не оборачиваясь, бросил сэр Стюарт. – Просто держитесь поближе ко мне и не подворачивайтесь под руку.

– Но...

– Знаю, парень, вы умели драться, – жестко прервал меня сэр Стюарт. – Но теперь вы все равно что дитя малое. У вас нет ни знаний, ни средств защитить себя.

Он оглянулся и смерил меня свирепым взглядом, и невидимая сила буквально отшвырнула меня назад, на крыльцо. Вот дьявольщина! Может, Стюарт и не обладал магическими познаниями, но и мне еще предстояло многому научиться в этом потустороннем мире – в частности, тому, как воля преобразуется в энергию.

– Заткнитесь, – посоветовал мне старый солдат. – И не отставайте от меня.

Я проглотил протест и послушно замолчал, и сэр Стюарт снова повернулся лицом к врагу.

– Необязательно выражаться так уничижительно, – почти прошептал я. Очень тихо.

Как ни скверно это осознавать, но он был прав. Если бы не вмешательство сэра Стюарта, я бы уже погиб еще раз.

Да, вы не ослышались. Погиб бы. Снова.

Ничего смешного. Право же, дела обстоят совсем хреново, если вам приходится использовать фразы вроде этой.

Примерно полсекунды я с отвращением осознавал, что Вселенная, похоже, снова решила врезать мне как можно больнее, только на этот раз в первую очередь страдала моя гордость. Я привык к тому, что обыкновенно я – тот, кто размахивает мечом и к кому обращаются за защитой. И страх сам по себе подпитывал мою боевую энергию. Но теперь...

Вот что пугало меня по-настоящему в этом чужом мире: я был беспомощен.

Воздух вдруг наполнился свистом и пронзительными воплями, и толпа духов ринулась на нас.

– А ну задайте им, ребята! – взревел сэр Стюарт, перекрывая какофонию воплей.

Голос его звучал громко и ясно, как сигнал боевой трубы.

Грянул залп призрачного огня. Из стволов защитников дома снова вырвался не пороховой дым, а облачка разноцветного тумана и светящиеся шары воспоминаний. Вместо взрывающихся зарядов и хлопков пуль, проходящих звуковой барьер, воздух заполнило низкое гудение, эхо от которого не смолкало еще долго после того, как стрельба прекратилась.

Залп буквально скосил первые ряды нападавших. На какое-то время поле боя заволокло облаками света с мелькавшими в них образами воспоминаний, но их быстро поглотила ночь. Несколько десятков духов полегло, но еще большее их количество продолжало рваться к дому, и числом они по-прежнему превосходили защитников.

Воины сэра Стюарта отреагировали именно так, как положено настоящим солдатам, какими они когда-то и являлись. В воздухе блеснули клинки: шпаги, сабли, кинжалы, даже медные кастеты, стилеты и охотничьи ножи. Волна духов медленно, даже как-то величественно накатила на них. Духов рубили, резали, молотили и уничтожали прочими способами, и все равно их оставалось слишком много.

Я услышал глухой крик, который звучал так, словно доносился с расстояния в пару кварталов. Подняв взгляд, я увидел, как с полдюжины духов разом навалились на тощего паренька-призрака в мешковато сидевшем мундире. Он успел еще вспороть одного из нападающих штыком, но остальные его окружили. Еще один превратился в радужное облачко – судя по всему, солдатик достал его ножом, но вот один дух коснулся его пальцами, за ним – другие. Пальцы словно прилипали к бедолаге, и не прошло и нескольких секунд, как он превратился в подобие туго спеленутой мумии... или пациента ожогового центра, сплошь покрытого толстым слоем грязных бинтов.

Духи прижимались к нему все плотнее, слившись в единую бесформенную массу, а потом с внезапным воплем разлетелись во все стороны. Очертания их при этом сделались четче, материальнее и смертоноснее. Позади остался лежать на земле почти прозрачный силуэт незадачливого солдата; пару секунд он еще дергался, крича в агонии, а потом растаял окончательно.

При виде этого жуткого зрелища внутри у меня все сжалось.

– Лопни их пустые глаза! – процедил сквозь зубы сэр Стюарт. – Чтоб их!

– Адские погремушки! – выдохнул я. – Но почему вы... Вы что, не могли им помешать?

– Лемуры, – коротко ответил он. – Я не могу позволить им прошмыгнуть мимо меня в дом.

Я изумленно моргнул:

– Но... порог! Разве он не остановит?

– В самую первую ночь не помог, – бросил Стью. – До сих пор не знаю почему. Я не могу сойти с крыльца, иначе они прорвутся. А теперь цыц. – Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, примеряясь к рукояти топора. – Вот теперь начинается самое интересное.

Пока нападавшие духи связывали боем защитников дома, сэр Стюарт переместился на верхнюю ступеньку крыльца и широко расставил ноги. Там внизу, на улице, неясные фигуры лемуров застыли и пригнулись, словно хищники, изготовившиеся к прыжку.

Их атака оказалась стремительной. Не как бросок льва на лань, даже не как потерявший управление автомобиль. Скорее я сравнил бы их с пулями. Только что лемуры маячили где-то там, на улице, а секунду спустя возникли прямо перед крыльцом, причем самого момента перемещения я даже не заметил. Все, что я успел, – это вскрикнуть и рефлекторно отшатнуться.

Но сэр Стюарт оказался проворнее.

Лемур, нападавший первым, получил в темечко обухом Стюартова топора и отлетел назад. Практически мгновенно на нас ринулись второй и третий; топор сэра Стюарта описал в

воздухе дугу и достал обоих. С жутким воплем они отшатнулись назад, и тут четвертый лемур нанес сэру Стюарту сокрушительный удар в челюсть. Старый солдат пошатнулся и припал на колено. Однако лемур так и не сумел развить успех: Стюарт сорвал с пояса блестящий, переливающийся цветами кинжал и наискось полоснул его по торсу.

Пятый лемур явно колебался, застыв посередине двора. Стюарт взревел как бык и метнул нож. Он не промахнулся: лемур с воем сложился пополам и оседал до тех пор, пока нож не выскользнул из его призрачной плоти на заснеженную землю.

Пять раненых лемуrow с воплями бежали от сэра Стюарта. Шестой в нерешительности застыл у кромки тротуара.

– Трус! – пророкотал Стюарт. – Не умеешь драться – не стоило и лезть!

С учетом всех обстоятельств я решил, что Стюарт не совсем справедлив по отношению к бедолаге. Вряд ли можно считать трусостью нежелание бросаться очертя голову на того, кто только что замочил нескольких твоих товарищей. Может, этот тип просто оказался сообразительнее других.

Впрочем, выяснить точно мне так и не удалось. В какую-то долю секунды сэр Стюарт пересек газон и нанес удар ногой, – правда, нога не задержалась на призрачном лице, а прошла сквозь него на добрых шесть футов. Лемур отпрянул – почти как я несколькими секундами раньше.

А потом его голова отделилась от плеч, капюшона и всего прочего, рассыпавшись разноцветными искрами воспоминаний. Обезглавленное тело безумно задергалось, забилося, даже ухитрилось каким-то непостижимым образом издать отчаянный крик и, наконец, повалилось на землю; из шеи его бил сноп серо-белого огня.

Защитники дома торжествующе взревели, и волна нападавших духов начала распадаться. Сэр Стюарт взмахнул топором и почти без усилий снес голову еще одному духу.

И тут за спиной у сэра Стюарта возникла словно ниоткуда еще одна фигура, на вид почти не уступавшая ему в материальности. Из-под серого капюшона полыхали бело-зеленым огнем два глаза. Фигура подняла когтистую руку и выпустила в спину сэра Стюарта огненную струю.

Сэр Стюарт вскрикнул от боли и дернулся, как от электрического разряда. Полоса огня прочертила полосу вдоль его позвоночника, вильнула и отсекла кусок от правого бедра.

– Нет! – заорал я, бросаясь к упавшему воину.

Тот перекатился по земле, и в руке его возник неестественно здоровенный – такими вооружали кавалеристов – пистолет. Сэр Стюарт прицелился в Серое Привидение и спустил курок, и из ствола снова вырвалось смертоносное радужное сияние.

Однако фигура в сером вскинула руку, и пуля отрикошетила от воздуха прямо перед ней, угодив в незадачливого раненого духа, пытавшегося отползти подальше от места схватки. Дух мгновенно растворился в воздухе, в то время как сэр Стюарт, разинув рот, потрясенно смотрел на Серое Привидение.

Магия. Серое Привидение пользовалось магией. На бегу я ощущал ее вибрирующую энергию в воздухе, ее запах в ледяном ветре с озера. Я не перемещался со сверхъестественной скоростью. Я просто бежал по земле, перемахнул через изгородь, пронесся сквозь припаркованную у тротуара машину – ох, брр! – и с разбегу врезал Серому Привидению правой рукой в намеченную точку на подбородке.

Мой кулак угодил в нечто, напоминающее нормальную плоть. Он соприкоснулся с ней со знакомым смачным звуком и отозвался болью, пронзившей руку до самого локтя. Серое Привидение пошатнулось, и я постарался развить успех. Я нанес ему пару левых хуков в живот, провел чертовски удачный апперкот правой и добавил еще раз по шее.

Я не считаю себя слишком опытным бойцом, однако кое-чему все же научился – и у Мёрфи, и у некоторых других копов; не зря же я проводил столько времени в спортзале «Ураган» у Дага Джо. Настоящий поединок лишь в самой малой степени зависит от приемов и физи-

ческой силы. Гораздо больше он зависит от точного расчета и желания поразить соперника. Если вы более или менее представляете себе, когда именно сокращать дистанцию и наносить удар, ваши шансы уже достаточно высоки. Однако правильный настрой еще важнее. Никакие приемы на свете не помогут вам, если вы не испытываете острого желания надрать негодяю задницу.

Серое Привидение отшатнулось, а я тем временем подставил ему ножку. Оно упало. Я принялся колотить его ногой по спине и ребрам, а потом, сместившись немного, врезал ему каблуком своего тяжелого башмака по башке. Я не давал ему ни секунды передышки: сумеи оно провести еще хоть одну магическую атаку, и ему удалось бы справиться со мной так же легко, как и с сэром Стюартом. Поэтому я продолжал молотить его, преимущественно по башке.

– На помощь! – заорало Серое Привидение.

Блеснула голубая вспышка, и в грудь мне ударило что-то вроде шар-бабы, которой сносят стены, только сделанного не из чугуна, а из пенопласта. Тем не менее удар отшвырнул меня назад, сквозь ту же самую машину – адские погребушки, ох! – и я приземлился на спину. В глазах плавали звезды, и я не мог ни ахнуть, ни вздохнуть.

Ближайший дух уставился на меня своими пустыми глазницами, и я поспешно поднялся на ноги. Оглянувшись, я увидел, что Серое Привидение тоже уже на ногах и взгляд его горящих зеленым пламенем глаз обратился на меня.

В воздухе перед ним парил... Уж не череп ли?

Череп, в пустых глазницах которого полыхал холодный синий огонь.

– Да вы надо мной издеваетесь, – прошептал я. – Боб?

– Ты! – прошипело привидение, и руки его вытянулись, превратившись в огромные хищные клешни.

«Щелк!» – взвел сэр Стюарт курок своего пистолета.

Серое Привидение взвыло от досады и распалось на тысячу крошечных клочков тумана. Череп исчез вместе с ним. Полоски тумана свились в миниатюрный смерч и унеслись прочь по улице, оставив за собой сотню выкликавших разного рода проклятия голосов.

Я огляделся по сторонам. Последние духи умирали или бежали с поля боя. Защитники дома – в большинстве своем раненые, истекающие бледной эктоплазмой и мерцающими воспоминаниями, – оставались на своих рубежах. Сэр Стюарт одной рукой зажимал рану в боку, а в другой держал пистолет, нацеленный в пустоту, где только что находилось Серое Привидение.

– Эх! – произнес он и, убедившись, что бой окончен, осел на землю. – Черт подери! Отметина останется.

Я подошел к нему:

– Вы в порядке, старина?

– Ничего, парень. Ничего. И кой черт вы пытались сделать? Угробить себя?

Я насупился:

– Не за что. Рад, что сумел помочь.

– Вы были на волосок от гибели. Еще секунда – и эта тварь вас бы на клочки разнесла.

– Еще секунда – и вы все равно вогнали бы ему пулю в башку, – возразил я.

Вместо ответа сэр Стюарт нацелил пистолет на меня и спустил курок. Кремень высек сноп искр, но, если не считать этого, ничего не произошло.

– Вы что, блефовали? – не выдержал я.

– Разумеется, – утвердительно кивнул сэр Стюарт. – Этот пистолет, сынок, заряжается со ствола. Его надо перезаряжать, как и подобает истинному оружию. – Он как бы невзначай протянул руку к последним клочкам поверженного духа, и мерцающие обрывки воспоминаний, всплывшие от них, всосались в кончики его пальцев. Впитав последнее воспоминание,

сэр Стюарт вдохнул и тряхнул головой; похоже, хотя бы часть сил ему удалось восстановить. – Что ж, сынок, отлично. Помогите-ка мне встать.

Я помог. Часть тела сэра Стюарта – правый бок – сделалась чуть прозрачнее, и при движении становилось заметно, что это причиняет ему боль.

– Они скоро вернутся? – спросил я.

– Завтра вечером, если мои расчеты верны, – ответил он. – С подкреплениями. Давеча ночью их вели четверо лемуров. Сегодня было уже шесть. И еще этот седьмой... – Он тряхнул головой и принялся заряжать пистолет из рожка, висевшего у него на поясе. – Я знал, что они накапливают силы, но даже не подозревал, что задействуют заклинателя. – Он закончил возиться с пистолетом, повесил рожок обратно на пояс и повернулся ко мне. – Передайте-ка мне топор, сынок.

Я поднял топор с земли и протянул ему. Он сунул рукоять в петлю на поясе и кивнул:

– Спасибо.

Откуда-то сзади послышался протяжный скрежет, и я оглянулся.

Коренастый мужчина в темном свитере с капюшоном и поношенных джинсах держал в руках длинную фомку. Отработанным движением сунув ее в щель между дверью и косяком, он налег на нее. Снова послышался скрежет, и дверь распахнулась.

Не задумываясь ни секунды, сэр Стюарт выстрелил. Остальные защитники дома тоже открыли огонь. Шквал призрачных энергий обрушился на мужчину и беспрепятственно прошел сквозь него. Мать-перемать, парень, похоже, вообще ничего не заметил.

– Смертный, – выдохнул сэр Стюарт. Он сделал шаг, охнул от боли и, стиснув зубы, схватился за бок. – Дрезден, – прохрипел он, – смертного мне не остановить. Я ничего не могу с ним поделать.

Незнакомец перехватил фомку левой рукой, а правой достал из-под свитера короткий револьвер.

– Ступай! – велел Стюарт. – Предупреди Мортимера. Помогите ему!

Я озадаченно моргнул. Мортимер не оставил никаких сомнений, что не желает иметь со мной дела, и какая-то сохранившаяся с детства часть моей натуры твердила, что происходящее не лишено справедливости. Однако другая, более разумная часть настаивала, что без Морти мне не удастся связаться ни с одной живой душой в этом городе. Так я могу и не найти своего убийцу. Я даже не сумею защитить своих друзей.

И еще одно. Я не могу позволить, чтобы кто-либо вламывался к другим людям с целью укокошить их. Вот не могу, и все тут.

Я хлопнул Стюарта по плечу и бросился обратно в дом.

Глава 6

Вооруженный тип изрядно меня опередил, но у меня имелось преимущество, которым не обладал он. Я хорошо представлял себе планировку дома и знал, где схоронился Морти.

Ах да! Еще я мог проходить через гребаные стены.

Конечно, будь у меня выбор, я предпочел бы выступать в роли Колосса, а не Китти Прайд. Однако приходится довольствоваться тем, что дают, к тому же способности хотя бы какого-то из Людей-Икс гораздо лучше, чем ничего.

Я стиснул зубы, нырнул сквозь стену к Морти на кухню и бегом ринулся в кабинет, опережая типа с пистолетом на каких-то несколько шагов.

– Морти! – заорал я. – Морти, на этот раз они взяли с собой смертного убийцу! По вашему дому рыщет вооруженный тип!

– Что? – послышался голос Мортимера из-за укрепленной от призраков двери. – А где Стюарт?

– Черт подери, Морти, он ранен! – выдохнул я.

Последовала короткая пауза.

– Как это вышло? – спросил явно обескураженный Морти.

Запас моего терпения иссякал прямо-таки стремительно.

– Чтоб вас, Морти! Вы что, меня не слушали? У вас в доме гребаный убийца!

– Что?

На сей раз в его голосе прозвучало неподдельное беспокойство.

Тип с пистолетом услышал, как Морти мне отвечает, и направился к двери кабинета. Для своей внушительной комплекции он двигался на редкость легко. Теперь я смог наконец разглядеть его получше. Он выглядел оборванным, невымытым – и его одежда, и он сам. От него разило настолько, что это ощущал даже я в своем, так сказать, состоянии. Судя по дикому блуждающему взгляду, пьянчуга не привык находиться в таком окружении. Это, впрочем, никак не сказывалось на руке, в которой он держал пистолет – большой, полуавтоматический.

– Морти! – рявкнул я. – Он сейчас как раз подходит к двери в ваш кабинет! Слушайте, приготовьте свой пистолет и держите его нацеленным на дверь! Я скамандую, когда стрелять!

– У меня нет пистолета! – пискнул Морти.

Я моргнул от неожиданности:

– У вас... чего?

– Я эктомант, а не герой боевика! – Он явно заметался по кабинету. – Э... черт, телефон перерезали.

Незнакомец негромко хохотнул:

– За тобой кое-кто охотится, приятель. – Голос звучал глухо, гнило как-то, словно обладатель его давным-давно умер. – Так приказано. Ступай со мной, и тебе не будет больно. Или оставайся здесь – и будет.

– Дрезден! – окликнул меня Морти. – Что мне делать?

– Ага, теперь вы готовы со мной говорить, – заметил я.

– Вы же тут знаете все это дерьмо насчет драк! – взвизгнул Морти.

– Начинаю отсчет, – произнес тип с пистолетом. – Пять...

– Для того чтобы выжить в драке, нужно быть к ней готовым! – крикнул я в ответ. – Например, держать у себя пистолет.

– Завтра же куплю!

– Четыре...

– Морти, наверняка есть что-нибудь, что вы можете сделать, – настаивал я. – Адские погромушки, каждый раз, когда мне встречался какой угодно призрак, он обязательно пытался меня выпотрошить. И вы мне говорите, что ваши потусторонние приятели ничем не могут вам помочь?

– Так они же в своем уме, – возразил Морти. – Только сумасшедший призрак может пытаться взаимодействовать с физическим миром. Вменяемые призраки не разгуливают где попало и не ведут себя как психи.

– Три... – нараспев произнес незнакомец.

– Убирайтесь! – крикнул ему Морти.

– Наверняка я мог бы сделать что-нибудь! – взвыл я.

– Не я установил эти правила, ясно? – запальчиво произнес Морти. – Призрак может явить себя, только если он сошел с ума!

– Два! – выкрикнул незнакомец срывающимся от возбуждения голосом.

Я встал между ним и дверью и помахал руками вправо-влево, как если бы собирался отхлестать его по щекам.

– Буууу! – крикнул я.

Ничего не произошло.

– Похоже, надеяться особенно не на что, – обреченно произнес Морти.

– Один, – почти ласково произнес незнакомец, отступил на шаг назад и врезал по двери тяжелым башмаком.

Ему потребовалось три удара, чтобы вышибить дверь вместе с косяком.

За дверью его уже поджидал Морти с клюшкой для гольфа в руке. Не промедлив и доли секунды, он с мрачной решимостью с размаху опустил ее на голову незнакомца. Тот успел вскинуть руку, прикрываясь от удара, но инерции клюшки хватило, чтобы огреть его по лбу. Незнакомец отшатнулся на шаг-другой.

– Это все вы виноваты, Дрезден, – выплюнул Морти, занося клюшку для нового удара.

Он врезал незнакомцу по груди, потом еще раз по руке. На этот раз тот успел перехватить удар, а другой рукой замахнулся, целя Морти в лицо. Удар достиг цели, и Морти полетел на пол.

Незнакомец ощупал кровоточащую шишку на голове и издал полный боли вопль, что совершенно не соответствовало, в общем-то, пустяковой травме. Глаза его вновь округлились, он поднял пистолет и снова прицелился в коротышку.

Повинуясь исключительно инстинкту, я бросился между пистолетом и эктомантом. Однако на лету споткнулся об обломок двери, обработанной антипризрачным порошком, потерял равновесие, приземлился прямиком на Морти и...

...провалился в его тело.

Окружающий мир мгновенно расцвел новыми красками, словно сменили пленку или убрали фильтры. В комнате царил темнота. Незнакомец с пистолетом возвышался надо мной устрашающей громадой. Голос его звучал так громко, что стало больно ушам. В ноздри ударил отвратительный запах немытого тела, так что мой желудок скрутило. Я увидел, как напрягся его палец на спусковом крючке, и выбросил вперед руку с растопыренными пальцами...

Короткую, пухлую руку в черном рукаве!

– *Defendarius!* – рявкнул я на ломаной латыни – древнее оборонительное заклятие, которому я научился еще у Джастина Дю Морне, моего первого наставника.

Магия вскипела во мне и, пронзив мою руку, вырвалась из нее в воздух – как раз когда ударил выстрел, потом другой, и еще раз, и еще, словно в голове у стрелка сломался некий сдерживающий рычаг.

Пули высекали снопы искр из выросшей передо мной мерцающей голубой плоскости и ricochetили во все стороны. Одна из них угодила в ногу самому стрелявшему, и тот согнулся от боли и упал, но жать на спусковой крючок не прекращал до тех пор, пока вместо выстрела не клацнул опустевший затвор.

Я почувствовал, как губы мои шевелятся сами собой, когда голос Морти прогремел с такой силой и властью, каких я прежде от него не слышал:

– Пшел вон из меня!

Думаю, даже если бы меня катапультировали пороховым зарядом, все равно меня не отбросило бы быстрее. Я выскочил из тела Морти почти вертикально вверх, больно врезался башкой в потолок – судя по всему, Морти укрепил антипризрачным порошком и его – и примерно так же болезненно плюхнулся на пол, где и остался лежать, оглушенный на пару секунд.

Незнакомец поднялся на ноги, тяжело и быстро дыша, при этом из его отвисших губ потекла слюна. Он подобрал выпавшую из пальцев Морти клюшку и шагнул к нему.

Морти пронзил его взглядом и заговорил все тем же властным тоном:

– Ко мне!

Я ощутил притяжение какой-то внезапной силы, столь же неуловимой и неоспоримой, как гравитация, и мне пришлось даже сделать над собой усилие, чтобы не податься в его сторону.

В выбитую дверь ворвались остальные призраки, словно их засосал невидимый торнадо. С полдюжины индейцев влетели в Морти, и, когда незнакомец замахнулся клюшкой, тот с индейским боевым кличем поднырнул под нее с ловкостью, неожиданной для человека его возраста и комплекции, перехватил незнакомца за запястье и опрокинулся назад, увлекая нападавшего за собой. Едва коснувшись пола спиной, он уперся пятками незнакомцу в живот и классическим приемом коренных американцев швырнул того спиной в стену.

Бандит вскочил, кипя от злости, с совершенно дикими глазами, но Морти успел стремительно пересечь комнату и сорвал со стены висевший на ней старинный топор. Мой оглушенный мозг с запозданием отметил, что топор выглядит в точности как тот, которым орудовал сэр Стюарт, плюс-минус пару столетий.

– Стюарт! – позвал Морти, и голос его отдался в моей грудной клетке эхом, словно исходил из мегафона с дополнительным усилением басов.

Почти мгновенно в дверь влетела, словно увлекаемая порывом ветра, фигура сэра Стюарта, пересекла комнату и нырнула в заметно уступавшее ей размерами тело Морти.

Незнакомец взмахнул клюшкой, но Морти легко блокировал удар рукоятью топора. Бандит попер на него, и по всем законам физики его силы и массы должно было хватить, чтобы опрокинуть коротышку на пол.

Но не хватило.

Морти удержал его с мощью, какой можно ожидать от куда более крупного, сильного и молодого человека. А может, и нескольких. Секунд пять или шесть он, не шевелясь, сдерживал натиск незваного гостя, потом рванулся, резко крутанувшись со всей силой своих плеч, бедер и ног, и использовал наконечник топора, чтобы выбить клюшку у того из рук. Незнакомец в ярости замахнулся кулаком, целя ему в лицо. Морти отбил удар обухом топора, а потом почти презрительным точным движением стремительно сунул тот же обух ему в лицо.

Оглушенный незнакомец отшатнулся, а Морти движениями опасного, опытного бойца развивал атаку. Рукоять топора с резким хрустом врезала тому по колену, а потом топор плашмя достал падающего уже неприятеля по челюсти. Снова послышался зловеющий хруст, и незнакомец камнем повалился на пол.

Мортимер Линдквист, эктомант, настороженно нагнулся над телом поверженного противника; взгляд его напряженно шарил по комнате.

А потом он вздохнул. Стальной топор с мягким стуком опустился на пол. Помогавшие ему призраки по одному покидали его и почти сразу растворялись в воздухе. Только изрядно запыхавшийся сэр Стюарт задержался на некоторое время.

Морти тяжело осел на пол. Голова его опустилась, грудь тяжело вздымалась. На лысом затылке взбухли вены.

– Адские погремущки! – выдохнул я.

Он поднял на меня усталый взгляд и пожал плечами.

– У меня нет пистолета, – пропыхтел он. – Никогда по-настоящему не чувствовал, что он мне нужен.

– Давненько вы, Мортимер, этого не проделывали, – заметил сэр Стюарт, привалившись спиной к стене. – Я уж думал, вы разучились...

Морти вяло улыбнулся в ответ:

– Я тоже так думал.

Я нахмурился и тряхнул головой:

– Что это такое было? Одержимость? Когда призраки принимают управление на себя?

– Нет, приятель, – фыркнул сэр Стюарт. – Скорее совсем наоборот.

– Не судите меня строго, Дрезден, – пробормотал оправдывающимся тоном Морти. – Я эктомант. Иногда мне приходится одалживать у призраков часть их знаний или умений. Но это я руковожу духами – не они мной.

– Как это вы справились с пистолетом? – с любопытством профессионала поинтересовался Стюарт.

– Я... – Морти покачал головой и посмотрел в мою сторону.

– Магия, – вполголоса пояснил я. В башке слегка гудело, но складывать слова в законченные предложения я, пожалуй, все-таки мог. – Я... вроде как влился в него... и выстроил щит. Сэр Стюарт вскинул бровь.

– Хм, – только и сказал он.

– Мне на некоторое время понадобились ваши навыки, – все с тем же неловким видом пояснил Морти. – Весьма признателен.

– Да пустяки, – отозвался я. – Просто уделите мне пару часов вашего времени, и будем в расчете.

Пару секунд Морти молча смотрел на меня. Потом покачал головой:

– Вы здесь всего двадцать минут, Дрезден, а меня уже едва не прикончили. Господи, неужели вы так и не поняли? – Он подался вперед. – Я не рыцарь. И не шериф Чикаго. Я не какой-нибудь обуреваемый жадой смерти Дон, мать его растак, Кихот. – Он снова покачал головой. – Я трус. И меня это вполне устраивает.

– Но я ведь спас вам жизнь, дружище, – не сдавался я.

Он вздохнул:

– Ага. Но... Как я уже сказал. Трус. Мне нечем вам помочь. Ступайте и поищите своего Санчо Пансу где-нибудь в другом месте.

С минуту я сидел молча, ощущая себя ужасно усталым.

Когда я наконец поднял взгляд, на меня пристально смотрел сэр Стюарт. Потом он прокашлялся и заговорил таким менторским тоном:

– Не в моих привычках ворошить прошлое, но не могу не напомнить, что ваша жизнь заметно переменялась к лучшему с тех пор, как вы познакомились с Дрезденом.

Лысина Морти слегка покраснела.

– Что?

Сэр Стюарт невозмутимо развел руками:

– Я только хотел сказать, что за это время вы заметно окрепли умением и духом. Когда вы впервые связались с Дрезденом, вы вытягивали из людей деньги дешевыми сеансами, да и общаться с духами разучились, если не считать меня.

Морти испепелил сэра Стюарта взглядом:

– Эй, дедуля! Когда мне понадобится ваше мнение, я за ним обращусь.

Улыбка сэра Стюарта сделалась чуть шире.

– Разумеется.

– Я помогаю духам обрести покой, – настаивал Морти. – Я не делаю ничего такого, от чего меня разнесет на клочки. Я, можно сказать, всего лишь глас духов, не более того.

– Послушайте, Морти, – вмешался я. – Если придерживаться чисто формальной точки зрения, я на текущий момент, по сути, не совсем призрак...

Он снова закатил глаза:

– О господи! Вот бы мне платили хотя бы по четвертаку за каждого призрака, являющегося ко мне с утверждением, что он не совсем призрак. Что он не такой, как другие...

– Ну, это ясно, – проговорил я. – Но...

Он закатил глаза еще пуще:

– Но если вы не призрак, как тогда мы с вами общаемся таким вот образом? Как я смог изгнать вас из себя?

Я не нашелся что ответить. Пусть мой желудок и сделался нематериальным, но противное ощущение в нем чувствовалось вполне явственно.

Призраки – вовсе не копии людей, которых они отображают. Во всяком случае, не в большей степени, чем отображают следы, оставленные теми на земле. Внешнее сходство, конечно, имеется, но в общем и целом призрак – всего лишь воспоминание, впечатление, оставленное умершим. Призраки могут обладать чертами характера, эмоциями, памятью, и все же это не те люди, что их оставили.

Когда человек, умирая, оставляет за собой призрака, это означает, что часть его жизненной энергии сохранилась, сформировав новое существо, схожее с первоисточником сознанием, а часто и физической внешностью.

Разумеется, это означало, что они наследуют и многие из людских недостатков. Страсть. Ненависть. Безумие. Если то, что Морти говорил насчет взаимодействия духов с материальным миром, правда, значит все классические истории о призраках относятся только к тем незадачливым духам, которые сломались, тронулись рассудком. Однако в подавляющем большинстве своем призраки всего лишь нематериальны, пусть они и скорбят по утраченному, но с плотным миром не взаимодействуют никак.

– Но я-то ведь вовсе не похож на такую-то тень-самообманщицу. Ведь правда?

Я покосился на сэра Стюарта.

Тот пожал плечами.

– Большинство из нас, теней, неохотно признаются себе, что они не совсем те, какими были при жизни, – мягко произнес он. – И это даже в случаях, когда они понимают, что уже являются призраками. Занимающиеся самообманом тени встречаются чаще, чем такие, которые этим не страдают.

– Вы хотите сказать, что... – Я взьерошил пятерней волосы. – Хотите сказать, что все эти туннели с далеким светом в конце, вся эта моя миссия существуют только в моем сознании? Что я просто не хочу признать, что превратился в призрака?

Солдат-призрак неопределенно махнул рукой, и его британский акцент сделался еще заметнее:

– Я всего лишь хочу сказать, что все это вполне вероя... миссия? Что еще за миссия? О чем это вы толкуете?

Пару секунд я молча смотрел на него, а он – на меня.

– Насколько я понимаю, – предположил я наконец, – вы не смотрели «Звездные Войны». Сэр Стюарт снова пожал плечами:

– Я считаю кинокартины изрядно преувеличенными и навязчивыми, практически не оставляющими зрителям возможности мыслить самостоятельно.

– Так я и знал, – вздохнул я. – Иначе через пару слов назвал бы вас Трипио.

Он недоуменно нахмурился:

– Чего?

– Господи! – простонал я. – Теперь мы сползаем в дешевую сценку из «Монти Пайтона».

– Я снова повернулся к Морти. – Послушайте, Морти, там, по ту сторону, меня встретил Джек Мёрфи и отправил обратно – выяснить, кто меня убил. Сперва он много чего говорил, но в основном это сводилось к «мы тебе все равно не можем ничего объяснить, так что просто делай как сказано».

С минуту Морти опасно косился на меня... Вернее, на мою нематериальную оболочку. Потом вздохнул:

– Вам кажется, что вы говорите мне правду.

Все это начинало меня раздражать.

– Нет! – отрезал я. – Я просто говорю правду.

– Уверен, вы так считаете, – кивнул Морти.

Я почувствовал, что терпение мое вот-вот лопнет.

– Если бы я не проходил через вас насквозь, с удовольствием расквасил бы вам сейчас ваш чертов нос.

Морти вспыхнул и обиженно стиснул зубы:

– Да, правда? Валяйте, попробуйте. Уж я-то надеру вашу бестелесную задницу.

Сэр Стюарт нетерпеливо кашлянул, словно и ему осточертело слушать эту белиберду:

– Мортимер, Дрезден только что бился бок о бок с нами, защищая ваш дом, а потом поспешил сюда, чтобы спасти вашу жизнь.

Тут до меня наконец дошло, и я усталился на сэра Стюарта.

– Вы ведь могли и сами войти? – спросил я. – Вы и без меня могли помочь Мортимеру отбиться от нападавшего. Но хотели посмотреть, как я поведу себя в критической ситуации. Устроили проверку.

Сэр Стюарт улыбнулся:

– Можно сказать и так. Разумеется, я не мог позволить вам причинить Мортимеру никакого вреда, поэтому был готов прийти на помощь, буде он позовет. Но и узнать побольше о вас тоже не мешало. – Он повернулся к Мортимеру. – Этот парень мне по душе. И его прислал Джек Мёрфи.

Мы с Морти оба уставились на сэра Стюарта, забыв о своей конфронтации.

– Это начальник отдела «Черная кошка», – пояснил Мортимеру Стюарт. – Покончил с собой в своем кабинете. К нам время от времени являются свежие духи, которых он выдернул из всякого рода неприятностей. А его-то безмозглым дураком никто не назовет.

Морти старательно избегал встречаться взглядом с сэром Стюартом.

Он скептически хмыкнул:

– Или, может, призрак Джека Мёрфи еще более безмозглый, чем остальные. Может, у него просто талант подогревать иллюзии других призраков?

– Адские погремушки, Морти! – не выдержал я. – Сейчас вы договоритесь до того, что я вообще с его призраком не встречался. Что мне померещилось, будто я сделал так, чтобы ему померещилось, будто он сделал так, чтобы все это мне померещилось.

Сэр Стюарт негромко фыркнул:

– Справедливое замечание.

– Это ничего не меняет, – упорствовал Морти. – Проверить все равно невозможно.

– Неверно, – перебил сэр Стюарт. – Призовите его. Если он и впрямь еще одна заблуждающаяся тень, это проще простого.

Морти не поднимал взгляда. Но и сдаваться не собирался.

– Я не буду беспокоить Джека. – Он посмотрел-таки на меня и собрался с духом. – Но даже если капитан Мёрфи настоящий, это еще не значит, что тень Дрездена разумна. Или не сошла с ума.

– А вы просто допустите возможность, что это не так, – посоветовал сэр Стюарт. – Тут дело не совсем обычное.

Морти мгновенно наострил уши:

– Необычное?

– Энергия. Жизненные силы. – Сэр Стюарт пожал плечами. – Возможно, это мне лишь кажется. Но даже если так...

Морти с долгим вздохом повернулся к призраку:

– Вы ведь от меня не отстанете.

– На следующие пятьдесят или шестьдесят лет у меня ничего особенного не намечено, – беззаботно ухмыльнулся сэр Стюарт. – Любое развлечение придется к стати. Даже если всего на полчаса или около того.

Морти устало потер переносицу и закрыл глаза:

– О господи...

Сэр Стюарт ухмыльнулся шире:

– Примите в расчет еще одно обстоятельство.

– А?

– Сегодняшнее нападение оказалось ожесточеннее прежних. Мы потеряли больше защитников. И тварь, что за этим стоит, показалась сама. – Он продемонстрировал свой все еще полупрозрачный бок. – Я не смогу сдерживать их до бесконечности, Мортимер. А участие в этом смертного наемника говорит нам о двух вещах.

– Об одной, – поправил я его. – О том, что Серое Привидение достаточно опасно, чтобы якшаться со смертными.

– О двух, – настаивал сэр Стюарт. – Эта тварь охотится на вас. Лично.

Морти поперхнулся.

Я встал и проковылял посмотреть на лежавшего неподвижно незнакомца. Тот негромко застонал.

– Самое время завести друзей, – с серьезным видом заметил Стюарт. – Вы остались живы сегодня исключительно благодаря Дрездену. И у него в этом городе немало союзников, которые могли бы помочь вам, если бы у них появилась на то причина.

– Вы и сами в порядке, – неуверенно отозвался Морти. – Вы попадали и в худшие заварушки.

Сэр Стюарт вздохнул:

– Возможно. Однако же враг вряд ли даст мне передышку перед новой атакой. Вам нужна помощь Дрездена. А он просит вашей. – Лицо его посуровело. – И я тоже.

Незнакомец снова застонал и пошевелился.

На лбу у Морти выступили капли пота. Он покосился на лежавшего незнакомца, поспешно вскочил на ноги, повернулся ко мне и кивнул:

– Ладно, Дрезден. Я помогу. Но вы за это попросите своих союзников взять меня под охрану.

– Договорились, – сказал я и посмотрел на сэра Стюарта. – Спасибо.

– Час, – заявил Морти. – Даю вам один час.

– Идет, – кивнул я.

– Идет, – эхом отозвался он, похоже обращаясь больше к самому себе. – Я ведь не собираюсь вступать в Совет или что-то в этом роде. Всего только час. Один маленький час. Что может случиться за какой-то час?

Тут я окончательно удостоверился, что Морти не врал, когда говорил, что не герой.

Герои гораздо лучше умеют держать Вселенную в узде.

Глава 7

Машина у Морти оказалась гибридная – один из этих маленьких игрушечных автомобилей, которые могут ездить когда на бензине, а когда на честном слове. Сделали ее, судя по всему, из упаковочной бумаги и изоленты, а еще снабдили компьютером, который запросто смог бы рулить национальной системой аэрокосмической обороны, и у него хватило бы памяти, чтобы играть при этом в крестики-нолики. Или, скажем, в ядерный апокалипсис.

– Пожалуй, к лучшему, что я умер, – буркнул я, забираясь в машинку сквозь закрытую дверь. – Если бы я еще дышал, то сильно опасался бы здесь за свою молодую жизнь. Это же не машина, а яйцо. И не нормальное, надежное, сваренное вкрутую. А самое что ни на есть хрупкое.

– И это говорит тип, который десять лет без перерыва гонял на родном брате деревянной машины из «Флинстоунов», – огрызнулся Морти.

– Джентльмены, – вмешался Стюарт, с опаской устраиваясь на крошечном заднем диванчике, – скажите, у вас имеется реальный повод быть недовольными друг другом или же вам просто доставляет детское удовольствие говорить колкости?

Теперь, когда бой остался позади, манеры сэра Стюарта снова сделались церемонными, как и подобало в его родную эпоху. Кстати, подумал я, над этим стоит поразмыслить. Офицер колониальных войск явно происходил не из «хорошего общества». Официальное, степенное, архаичное построение фраз, явно усвоенное им за годы карьеры, мгновенно улетучивалось в горячке боя.

– Ладно, Дрезден, – буркнул Морти. – Куда?

Он отворил дверь гаража и высунул голову под снег. Тот теперь валил еще гуще. Вообще-то, в Чикаго хорошо убирают снег в зимнее время... но, черт подери, месяц-то был май!

Судя по высоким, слежавшимся сугробам, холодная не по сезону погода явно застала город врасплох. Проезжую часть покрывал толстый, в несколько дюймов, слой свежего снега. По крайней мере, перед домом Морти очиститель не проезжал со вчерашнего дня. Стоит маленькому гибриднему автомобильчику наехать на скользкий участок, и его закрутит, как корову на льду.

Я попробовал прикинуть в голове план города. Я испытывал легкие угрызения совести, заставляя Морти выезжать в такую погоду, – даже с учетом того, что он был жив и более или менее здоров. Я не простил бы себе, если бы с ним что-нибудь случилось, и просить его о чем-либо сверх совершенно необходимого было бы жестоко. Но погода явно ухудшалась, так что уложиться в отведенный им часовой лимит с каждой минутой становилось все труднее.

– К Мёрфи, – тихо произнес я и продиктовал адрес.

Морти хмыкнул:

– Которая в полиции работала?

Я кивнул. Мёрфи дождалась-таки, что ее вышибли с работы после очередного прогула ради помощи мне. Она знала, на что идет, и сама сделала этот выбор, но все равно я испытывал острое чувство вины. Даже смерть этого не изменила.

– Она девушка проницательная. Никто в городе, наверное, не присмотрит за тобой лучше, чем она.

Морти хмыкнул еще раз и вырулил на улицу. Вел он медленно, осторожно. Выражение лица он тоже сохранял осторожное, непроницаемое.

– Морти! – не выдержал я. – Чего вы мне недоговариваете?

– Я, вообще-то, машину веду, – пробурчал он.

Я издал крайне недовольный звук, затем покосился через плечо на сэра Стюарта:

– Итак?

Сэр Стюарт не спеша полез в карман своей шинели и извлек оттуда короткую трубку. Он насыпал в нее что-то из кисета, чиркнул длинной старомодной спичкой и раскурил трубку. Дым всплыл и, коснувшись потолка салона, осел на нем тонким слоем блестящей эктоплазмы – субстанции, в которую обращается материя потустороннего мира, становясь материальной.

– Послушать его, – произнес он наконец, мотнув головой в сторону Морти, – весь мир за последние несколько месяцев съехал с катушек. Хотя должен признать, в моем представлении это выглядит примерно так же. Везде сплошной дурдом – с самого появления этих ваших компьютеров.

Я фыркнул:

– Так что изменилось?

– Ходят слухи, что вы уколошили всю Красную Коллегию вампиров, – сказал сэр Стюарт.

– Это правда?

– Они похитили мою дочь, – ответил я.

Несмотря на мою попытку говорить нейтральным тоном, эти слова все равно прозвучали как сквозь зубы. Я даже не знал о существовании Мэгги до тех пор, пока Сьюзен Родригес не вынырнула из ниоткуда после долгих лет отсутствия и не попросила о помощи – спасти нашу дочь. Я готов был пойти на все, только бы вернуть девочку.

Я поехал. Я... мне пришлось много чего совершить, чтобы вырвать Мэгги из лап Красной Коллегии. О таком и вспоминать не хочется, не то что этим гордиться. Мне даже в страшном сне не могло привидеться, что я смогу сотворить.

Воспоминание о горячей крови, хлынувшей из перерезанного горла, из-под самых моих пальцев, оказалось таким ярким, что мне пришлось на секунду-другую низко наклонить голову, отгоняя его прочь. Мэгги... Чичен-Ица... Красный Король... Сьюзен...

Кровь Сьюзен повсюду...

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы ответить сэру Стюарту:

– Не знаю, что вам рассказывали. Я просто пошел и вернул свою девочку... и отдал ее в хорошие руки. Но прежде чем это случилось, погибли ее мать и чертова прорва вампиров.

– Все до одного? – допытывался сэр Стюарт.

Я помолчал и лишь потом кивнул:

– Возможно. Угу. Я сам не знаю наверняка. Быть может, самых младших заклятие и пощадило – я ведь его точной формулировки не знаю. Но те сволочи, что находились вокруг меня, погибли точно. А заклятие составлялось так, чтобы очистить мир от того рода, на которое его нацелили.

Морти за рулем издал неопределенный звук:

– Но... Я хочу сказать, не может ли выйти так, что Белый Совет не одобрит этого? В смысле убийства с помощью магии.

Я пожал плечами:

– Красный Король собирался использовать заклятие на восьмилетней девочке. Если Совету не нравится, каким образом я помещал этому совершиться, они могут поцеловать меня в нематериальную задницу. – Я невольно усмехнулся. – И потом, я же вампиров с помощью магии убил, а не людей. Да и что Совет вообще может со мной сделать? Голову отрубить? Я и так уже мертв.

Я заметил, что Морти переглянулся со Стюартом в зеркале заднего вида.

– За что вы на них так злы, Гарри? – спросил меня Морти.

Я хмуро покосился на него, потом на Стюарта:

– Почему это мне все время кажется, что мне лучше пойти прилечь?

– Тень образуется тогда, когда осталось незавершенным что-то важное, – объяснил сэр Стюарт. – Часть нашей работы здесь заключается в том, чтобы понять, что именно так сильно привязывает вас к жизни. А для этого приходится задавать вопросы.

– Чтобы я мог спокойно проследовать дальше по назначению? Или куда там?

– Скорее, чтобы меня оставили в покое, – буркнул Морти.

– Что-то вроде того, – поспешно вмешался сэр Стюарт, пока я не успел дать Морти ответ. – Мы просто хотим помочь.

Я внимательно посмотрел на него, потом на Морти:

– Так чем вы занимаетесь? Покоите духов с миром?

Морти пожал плечами:

– Если бы этим никто не занимался, на городских кладбищах скоро не хватило бы места. Некоторое время я размышлял над его словами.

– Тогда почему, – спросил я наконец, – вам не удалось упокоить сэра Стюарта?

Морти не ответил. Неуютное у него вышло молчание – жесткое какое-то, колющее.

Сэр Стюарт подался вперед, положил руку Морти на плечо, пожал несильно и вернулся на место.

– Случается такое, чего уже не исправишь, приятель, – объяснил он мне. – Никто не сможет. Вся королевская конница, вся королевская рать...

– Вы заперты здесь? – тихо предположил я.

– Будь я заперт, до сих пор бы полагал, что я настоящий живой сэр Стюарт. Но это не так. Я всего лишь его тень. Можно, наверное, считать это незадачей. – Он покачал головой. – Но я предпочитаю смотреть на это с другой стороны: я полагаю себя тем, кто сотворен специально для такого существования. У меня есть причины быть тем, кто я есть, здесь и сейчас. Многие ли из тех, что во плоти, могут похвастаться тем же?

Я хмуро уставился в летевшую нам навстречу заснеженную дорогу.

– И какова ваша миссия? Приглядывать за этим неудачником?

– Эй! – возмутился Морти. – Я здесь и все слышу.

– Я помогаю другим заблудшим духам, – ответил сэр Стюарт. – Помогаю им, скажем так, разобраться в ситуации. Помогаю не сойти с ума, если им суждено стать манами. А если их удел – превратиться в лемура, помогаю им обратиться в ничто.

Я все так же хмуро оглянулся на сэра Стюарта:

– Это... как-то банально.

– В некотором смысле – да, – невозмутимо согласился он.

– Так, значит, вы – из числа манов? Вроде древнеримской тени предков?

– Это не такой простой вопрос, Дрезден. Ваш Белый Совет – известная компания именитых людей. Я слышал, они ведут свою историю от Древнего Рима?

– Угу, – подтвердил я.

Он кивнул:

– И, подобно римлянам, они любят раскладывать по полочкам абсолютно все, до последней, никого не волнующей мелочи. А правда в том, что мир неупокоенных духов плохо поддается классификации. – Он пожал плечами. – Я обитаю в Чикаго. Я защищаю дом Мортимера. Я то, что я есть.

Я крикнул и некоторое время молчал.

– Так вы обучаете духов-новичков? – спросил я наконец.

– Разумеется.

– Тогда можно задать вам несколько вопросов?

– Сколько угодно.

– Ну, понеслась... – буркнул Морти.

– Ладно, – кивнул я. – Я дух, и я у вас новичок. И вроде как могу проходить почти сквозь что угодно – например, сквозь дверцу этой машины.

– Можете, – подтвердил сэр Стюарт с легкой улыбкой.

– Тогда почему моя задница не проваливается сквозь сиде...

Я осекся, испытал знакомое уже ощущение прохода сквозь физическое тело; оно возникло в ягодицах и мгновенно пробежало вверх по спине. Задницу словно обожгло холодом, снег мгновенно забился под штаны, и я взвыл от неожиданности.

Сэр Стюарт явно знал, что произойдет. Он выметнул руку, ухватил меня за отворот плаща и бесцеремонно втащил обратно в машину, сунув на сиденье рядом с собой. Я сделал попытку уцепиться за подлокотник и спинку переднего кресла, на котором только что сидел сам, – с тем же результатом: мои руки прошли сквозь них. Я дернулся вперед, крутясь, словно попал в водяной поток, и на этот раз полетел в снег физиономией.

Сэр Стюарт снова затащил меня обратно.

– Мортимер, – произнес он слегка раздраженным тоном.

Морти промолчал, но, когда меня снова водрузили в кресло, сквозь пол машины я больше не проваливался. В зеркале заднего вида я увидел его ухмылку.

– Вы не проваливаетесь сквозь пол машины, поскольку на самом глубоком, подсознательном уровне принимаете этот пол как данность, – объяснил сэр Стюарт. – Вы совершенно убеждены, что такие иллюзии, как гравитация или плотность, реальны.

– Есть неувязочки, – возразил я.

Сэр Стюарт приподнял бровь.

Я вздохнул.

– Если я так верю в реальность иллюзий, как же мне удастся проходить сквозь стены? – поинтересовался я.

– Потому что на каком-то уровне сознания вы убеждены, что духам положено делать именно это.

Я насупил так сильно, что брови сошлись на переносице.

– Значит... вы хотите сказать, что я не проваливаюсь сквозь землю потому, что думаю, что так не положено?

– Скорее потому, что вы не думаете, что так положено, – ответил он. – И именно поэтому, стоило вам подумать о возможности противного, вы и провалились сквозь пол.

Я медленно покачал головой:

– А почему это не повторяется снова?

– На данный момент потому, что этого не позволяет сделать Мортимер. Мой вам совет: не думайте об этом слишком много, – серьезно произнес сэр Стюарт. – С вас пока и своих забот хватит.

– Нельзя же ни о чем не думать! – возмутился я. – Ну-ка попробуйте не думать о розовых слонах, умоляю!

Сэр Стюарт расхохотался было, но охнул и схватился за раненый бок. Я видел, что ему больно, но улыбка не покинула его губ.

– Обыкновенно на то, чтобы признать этот факт, уходит больше времени, – сказал он. – Конечно же, вы правы. Еще не раз случится такое, что вам будет казаться, будто вы не в состоянии повлиять на подобные штуки.

– Почему? – слегка раздраженно спросил я.

На сэра Стюарта мой тон, похоже, не произвел особого впечатления.

– Через это проходит каждая новая тень. Но это не навсегда.

– Тьфу, – вздохнул я. И, подумав, заметил: – Что ж... Зато с прыщами проблем нет.

Морти на водительском месте издал громкий смешок.

Звезды и камни! Терпеть не могу быть новичком.

Глава 8

Дом достался Мёрфи в наследство от бабки, и построили его никак не меньше ста лет назад. Бабуля Мёрфи истово увлекалась разведением роз. Сама Мёрфи любви к цветам не унаследовала, а потому прибегала к услугам наемных садовников. Цветник в палисаднике не посрамил бы и особняка раза в четыре больше, но сейчас, укутанный снегом, производил довольно гнетущее впечатление. Голые, усеянные шипами ветви, подстриженные еще прошлой осенью, скелетами торчали из-под снежного покрывала.

Сам по себе дом невелик – типичный колониальный особнячок, одноэтажный, приземистый, крепкий и довольно уютный на вид. Его строили еще в те времена, когда спальня десять на десять футов не считалась зазорной для хозяев, а на кроватях спало по несколько детей. Въехав, Мёрфи обшила фасады сайдингом, поставила новые окна и утеплила стены, так что домик, похоже, готов был спокойно простоять еще сотню лет.

На улице перед домом Мёрфи стоял низкий, дорогой черный седан, шины которого утопили в снегу на несколько дюймов. В этом квартале относительно дешевого жилья он выгля-

дел не более естественно, чем колесница с карнавала на День святого Патрика с танцующими лепреконами на палубе.

Сэр Стюарт посмотрел на меня, бросил взгляд на улицу и нахмурился:

– Что-то не так, Дрезден?

– Тачка какая-то неправильная, – ответил я.

Морти оглянулся на меня, и я ткнул пальцем в черную махину.

Он изучающе посмотрел на нее и кивнул:

– Угу. Немного странно видеть такую в квартале вроде этого.

– А что? – удивился сэр Стюарт. – Нормальная машина, удобная. Автоматическая коробка...

– Дорогая, – пояснил я. – Такие в непогоду просто так на улице не бросают. Стоит хоть раз проехать мимо машины, посыпающей дорогу песком с солью, и увидите, что станется с полировкой и краской. Поезжайте дальше, Морти. Вокруг квартала.

– Да-да, – раздраженно отозвался Морти. – Я же не идиот.

– Оставайтесь с ним, – попросил я сэра Стюарта.

А потом сделал глубокий вдох, вспомнил, что я бестелесный, и решительно сунул ноги сквозь пол машины. Ноги ушли в снег по щиколотку, а тело неприятно защипало, когда материальное тело машины проходило сквозь меня. Я собирался просто встать на ноги и остаться на месте, пока машина не проедет дальше, но как-то забыл о таких штуках, как скорость и инерция, поэтому кубарем покатился следом за машиной и остановился только тогда, когда врезался в сугроб перед соседним домом. Это оказалось болезненно, и я, лязгая зубами от холода, поспешно выбрался из сугроба.

– Н-нет, Г-гарри, – напомнил я себе, крепко зажмурившись. – Эт-то в-все иллюзия. Это все твоё сознание выстраивает сообразно твоим привычкам. Но ты вовсе не врезался в сугроб. Ты этого не можешь. И в снегу извлекаться тоже не можешь. А тем более не можешь промокнуть и замерзнуть.

Я сосредоточился на этой мысли и на произносимых словах, вложив в них всю свою волю, как делал раньше, призывая духа или призрака, потом открыл глаза.

Снег, облепивший меня с ног до головы, исчез. Я стоял рядом с сугробом совершенно сухой, кутаясь в свой кожаный плащ.

– Ну что ж, – заметил я сам себе. – Вот так-то лучше.

Я сунул руки в карманы и, не обращая внимания на продолжавший идти снег и ровный северный ветер, зашагал через розовый палисадничек бабули Мёрфи к двери. Поднявшись на крыльцо, я собрался было постучать, как проделывал это столько раз в прошлом.

И тут произошли сразу два события.

Во-первых, моя рука застыла, не коснувшись дерева. Так близко, что два листика писчей бумаги между костяшками пальцев и дверью вы, возможно, и просунули бы, но уже три – никак. А еще я услышал приглушенный, но вполне различимый звук соприкосновения, хотя, как я и сказал, до двери дотронуться не смог. Во-вторых, полыхнула вспышка – и что-то вроде электрического разряда пронзило мою руку, ударив в позвоночник и отшвырнув прочь с крыльца.

Несколько секунд я лежал в снегу, оглушенный. Я попытался еще раз убедить себя, что все это мне только мерещится, однако ощущение реальности – настоящей, жесткой, неоспоримой, реальной реальности – оказалось сильнее. Не сразу, но я все-таки пришел в себя и сел. Еще некоторое время у меня ушло на то, чтобы сообразить: меня поразило нечто, специально запрограммированное, чтобы задерживать пытающихся проникнуть в дом духов.

Дом Мёрфи защищали обереги; его естественный порог использовался в качестве основы для других, более агрессивных систем защиты. И пусть от меня оставалась лишь тень моего

прежнего «я», все же я еще был чародеем настолько, чтобы распознать свои собственные чертоты обереги – или, по крайней мере, чьи-то другие, очень на них похожие.

Дверь отворилась, и на улицу выглянула Мёрфи. Ростом она заметно ниже среднего, зато вылеплена из упругой стали. Свои золотистые волосы со времени нашей последней встречи она постригла коротким ежиком, и та же решимость читалась в напряжении шейных мышц, в упрямо выставленном подбородке. Одета она была в джинсы и клетчатую рубашу поверх синей футболки; в руке сжимала свой полуавтоматический пистолет.

От одного ее вида все внутри меня болезненно сжалось.

На меня разом нахлынула целая волна воспоминаний – начиная с первой нашей встречи по делу о пропавших без вести много лет назад. Я тогда работал ассистентом другого частного детектива, а Мёрфи – простым следователем. Все наши тогдашние споры и недопонимания, каждое подшучивание и остроумная реплика, каждый момент откровения и доверия, что медленно, неохотно, но все-таки зарождалось между нами, – все это ударило в меня с силой тысячи пушечных ядер. И конечно, последняя наша встреча, когда мы стояли на палубе катера моего брата, стояли у грани, которую до сих пор не позволяли себе переступить...

– Кэррин, – окликнул я едва слышным шепотом.

Мёрфи едва заметно нахмурилась и продолжала стоять на морозе, напряженно шаря взглядом из стороны в сторону.

Глаза ее скользили по мне, мимо меня, сквозь меня, не задерживаясь. Она не видела меня. И не слышала. Мы теперь принадлежали разным мирам.

Осознание этого оказалось неожиданно болезненным.

Прежде чем я успел собраться с мыслями, Мёрфи снова закрыла дверь. Я услышал, как щелкнуло несколько замков.

– Полегче, дружище, – услышал я спокойный, негромкий голос сэра Стюарта. Он наклонился и ободряюще положил руку мне на плечо. – Не спешите подниматься. Это больно. По себе знаю.

– Угу, – пробормотал я, кашлянул и поморгал, стряхивая с ресниц слезинки, которые никак не могли быть реальными. – Почему?

– Я же говорил. Воспоминания здесь – все равно что жизнь. Жизнь и сила. Вид тех, кто был тебе дорог, пробуждает воспоминания столь сильные, каких не дано испытать смертному при жизни. К этому приходится привыкать.

Я обхватил руками колени и опустил на них подбородок.

– Долго?

– Как правило, – мягко произнес сэр Стюарт, – до тех пор, покуда те, кого ты любишь, сами не преставятся.

Я поежился.

– Угу, – повторил я. – Что ж, на такое у меня нет времени.

– У вас, Дрезден, вообще ничего нет, кроме времени.

– Но у троих моих близких его нет, – с резкой горечью возразил я. – Они пострадают, если я не сделаю все как надо. Если не найду того, кто меня убил. – Я закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов. Воздуха я при этом в легкие не набирал. Мне вообще не нужно было дышать – только так, по привычке. – Где Морти?

– Ждет за углом, – ответил сэр Стюарт. – Подойдет сразу, как только мы удостоверимся, что здесь безопасно.

– Чего? – возмутился я. – Так я, значит, теперь секретная служба этого трусишки?

Я заставил себя подняться на ноги и оглядел дом:

– Вы ничего угрожающего не замечаете?

– Пока ничего, – ответил сэр Стюарт, – если не считать того якобы подозрительного экипажа на улице.

– Ладно. Дом защищен берегами. Не знаю, рассчитаны ли они только на нематериальных нарушителей, или смертному навредить тоже могут. Скажите ему, пусть не дотрагивается до дома. Во избежание непредвиденного.

Сэр Стюарт кивнул:

– Я обойду дом кругом. Вернусь с Мортимером.

Я пробормотал что-то в ответ и осторожно ощупал береги. Они оказались мощными, но... я бы сказал, уязвимыми. Свои береги я выстраивал как цельный, монолитный энергетический барьер. В эту защиту тоже закачали уйму энергии, но, казалось, я стою перед стеной высотой двенадцать футов, выстроенной из кубиков лего. Всякий, обладающий средними магическими способностями, мог бы нащупать в этой оборонительной схеме слабое звено и ударить туда. Конечно, это ослабило бы защиту, но не обрушило бы ее всю. Вот мои береги – те обрушились бы, потеряй хоть одна их часть свою целостность. Здесь же стена лишилась бы лишь некоторого количества кирпичиков.

Что ж, игроку из низшей лиги это давало определенные преимущества. Модульные береги проще строить, да и ремонтировать удобнее. Разрушь кто-нибудь часть обороны, и остальные ее части быстро сомкнут ряды. Видит бог, подобное заклятие наверняка обходится на порядок дешевле, и для него вам не потребовался бы полноценный чародей из Белого Совета.

Но и отрицательные стороны у него тоже имеются. В мире хватает всякого, способного сквозь такой барьер прорваться, а после того, как вас укокошат, вашему остывающему трупу уже будет безразлично, дорого или дешево обойдется ремонт.

И все же, черт подери, такая защита гораздо лучше, чем ничего. Основная схема явно базировалась на моих принципах, только немного подредактированных. Кто, интересно знать, проделал это с домом Мёрфи? И зачем?

Я повернулся и сошел с крыльца, чтобы заглянуть в окно. Ощущал я себя при этом отчасти вуайеристом, но все равно не знал, чем еще заняться до тех пор, пока не подойдет Морти, чтобы говорить за меня.

– С вами правда все в порядке? – спросил откуда-то из глубины дома мужской голос.

Я прищурился, нахмурил брови, собираясь с мыслями, и ухитрился забраться на какой-то тонкий куст под окном, с которого смог наконец заглянуть поверх спинки стоявшего у окна кресла.

На диване в гостиной у Мёрфи сидел мужчина в черном костюме, накрахмаленной белой рубашке и черном галстуке в темно-бордовую полоску. Еще его отличали смуглая кожа – не африканская, скорее средиземноморская – и выбеленные перекисью волосы. А вот цвет его глаз я описал бы с трудом: что-то среднее между темно-медовым и сумахом; резкий изгиб носа напомнил мне клюв хищной птицы.

– Прекрасно, – отозвалась Мёрфи. Она стояла, сунув пистолет за пояс джинсов. Вообще-то, «ЗИГ» – компактное девятимиллиметровое оружие, но по сравнению с миниатюрной фигуркой Мёрфи он казался большим и особенно опасным. Она скрестила руки на груди и смотрела на мужчину так, словно застукала его за каким-то особо отвратительным разбоем. – Я ведь просила вас, Чайлдз, не являться сюда в такую рань.

– Привычка, – пояснил Чайлдз. – Если честно, я не брал это в голову.

– А стоило бы, – заявила Мёрфи, дернув подбородком в направлении двери. – Вы ведь знаете, как обстоят дела. Вы застали меня в напряженный момент, и я запросто могла пальнуть в вас через дверь.

Чайлдз сцепил пальцы на колене. Он не производил впечатления особенно крупного. Мускулатура не крепче средней, костяк тоже. Под пиджаком дорогого покроя с избытком хватило бы места для пушки любого калибра.

– Я еще совсем недолго у нынешнего работодателя. Но мне кажется, случись подобная неприятность, и последствия для вас могут оказаться довольно серьезными.

Мёрфи пожала плечами:

– Вполне возможно. С другой стороны, может быть, нам стоит начать убивать его людей и продолжать делать это до тех пор, пока цена общения с нами не окажется слишком дорогой и он не откажется от такого рода сотрудничества. – Она улыбнулась. Неуютная вышла эта улыбка, совсем-совсем ледяная. – У меня больше нет жетона, Чайлдз. Зато у меня есть друзья. Очень особенные друзья.

На некоторое время в комнате воцарилась напряженная тишина, угрожавшая вот-вот взорваться насилием. Пальцы Мёрфи как бы невзначай покачивались в паре дюймов от рукояти пистолета. Руки Чайлдза оставались сцепленными на колене. Выждав пару секунд, он вдруг улыбнулся и откинулся на спинку дивана в более расслабленной позе.

– Последние шесть месяцев мы сосуществовали вполне неплохо. Не вижу смысла в том, чтобы это прекратилось по причине неважного настроения.

Мёрфи холодно сощурилась:

– Главный мокрушник Марконе...

Чайлдз поднял руку:

– Прошу вас. Специалист по сложным ситуациям.

– ...не пошел бы на попятный так быстро, – продолжала Мёрфи, словно он вообще не открывал рта. – Как бы ему при этом ни хотелось жить. Вот почему вы явились так рано, вопреки моей просьбе. Вам что-то нужно.

– Рад, что вы наконец заметили очевидное, – отозвался Чайлдз. – Да. Мой работодатель послал меня к вам с вопросом.

Мёрфи нахмурилась:

– Он не хотел, чтобы кто-то другой слышал, как вы его задаете.

Чайлдз кивнул:

– Он опасался, что это может привести к нежелательным последствиям.

Несколько секунд Мёрфи пристально смотрела на него, потом возвела глаза к потолку:

– Ну?

Чайлдз в первый раз за все время блеснул зубами в улыбке. Мне на ум почему-то пришли черепа.

– Ему хотелось бы знать, доверяете ли вы Леди-Оборванке.

При этих словах Мёрфи напряженно выпрямилась. Она выждала пару секунд, чтобы сделать глубокий вдох и выдох, и только после этого подала голос:

– Что вы имеете в виду?

– Странные вещи начали твориться поблизости от некоторых мест ее шатаний. Причем такие, объяснения которым никто пока не находит. – Чайлдз пожал плечами; руки он все это время демонстративно держал на виду, поза оставалась непринужденной, расслабленной. – Какая часть этого вопроса представляет собой сложность для вас?

Мёрфи чуть повела плечом, словно рука ее сама по себе раздумывала, не выхватить ли пистолет из-за пояса. Однако же она заставила себя сделать еще вдох-выдох, чтобы успокоиться.

– Что он предлагает мне за ответ на этот вопрос?

– Северный остров. И, предупреждая ваш вопрос, да, включая пляж.

Я невольно вытаращил глаза. Остров у гавани Бёнем-парка не считался особенно криминальной территорией, поскольку на нем не размещалось ничего, кроме парков, лугов и пляжа, излюбленного места семейного отдыха, – однако же «джентльмен» Джон Марконе, король преступного мира Чикаго и единственный простой смертный, которому позволили стать участником Неписаного договора, не делился территорией просто так. Не бывало такого.

Глаза у Мёрфи тоже чуть округлились – в ее голове явно прокручивались те же мысли, что у меня. Хотя, если быть совершенно честным, я думаю, что она сделала выводы на доли секунды раньше, чем это удалось мне.

– Если я соглашусь на эти условия, – осторожно заметила она, – я должна иметь наши стандартные гарантии не позже понедельника.

Лицо Чайлдза не выражало ровным счетом никаких эмоций.

– Заметано.

Мёрфи кивнула и секунду-другую сосредоточенно смотрела себе под ноги, явно собираясь с мыслями.

– На этот вопрос нет простого ответа, – произнесла она наконец.

– Простые ответы вообще редкость, – философски заметил Чайлдз.

Мёрфи провела рукой по своему ежику и подняла взгляд на Чайлдза.

– Пока она работала с Дрезденом, – произнесла она, – я бы, не колеблясь, ответила утвердительно.

Чайлдз кивнул:

– А теперь?

– А теперь... Дрезден исчез. И она вернулась из Чичен-Ицы сильно изменившейся, – ответила Мёрфи. – Возможно, это все посттравматический стресс. А может, и что-то другое. Но она изменилась.

Чайлдз склонил голову чуть набок:

– Так вы ей не доверяете?

– Я не теряю бдительности в ее присутствии, – сказала Мёрфи. – Вот мой ответ.

Тип с выбеленной перекисью шевелюрой обдумал ее слова и снова кивнул:

– Я передам это своему работодателю. Остров будет свободен от его интересов к понедельнику.

– Вы даете мне слово?

– Уже дал.

Чайлдз поднялся с грацией ленивого хищника.

Для смертного – если он, конечно, смертный – Чайлдз был удивительно быстр. И двигался с легкостью профессионального балетного танцовщика. Хотя я сомневался, что в кармане его пиджака лежат балетные туфли.

– Все, я пошел. Будьте добры, известите меня, если узнаете что-либо еще по теме нашего разговора.

Мёрфи кивнула, так и не убирая руки от пистолета, и проводила Чайлдза взглядом до двери. Чайлдз отворил ее и шагнул на крыльцо.

– Не забывайте, – негромко произнесла Мёрфи, – что мое доверие или недоверие не отменяет того факта, что она одна из моих людей. Если мне хоть на мгновение покажется, что в результате нашего разговора Молли Карпендер причинен какой-либо вред, наша договоренность будет расторгнута и мы перейдем непосредственно к отстрелу. Начиная с вас.

Чайлдз легко повернулся на каблуках, с улыбкой сложил пальцы пистолетиком, нацелил их на Мёрфи, сделал губами «пух-х» и, довершив разворот, вышел.

Мёрфи подошла к окну, у которого я стоял, и наблюдала, как Чайлдз идет по снегу к большому седану и садится в него. Напряжение не покидало ее до тех пор, пока машина не вырुлила на дорогу и не скрылась из виду.

Потом она опустила голову и, прислонив ладонь к оконному стеклу, другой рукой потерла лицо.

Я поднял руку, повторяя ее движение, и прижал ладонь с обратной стороны стекла, словно отражение ее ладони; при этом я старательно избегал касаться негромко гудящих обтегов. Размах рук у Мёрфи раза в два меньше моего. Плечи ее вздрогнули.

Она тряхнула головой, выпрямилась, несколько раз поморгала, и лицо ее приняло обычное для копа нейтральное выражение. Мёрфи отвернулась от меня, подошла к дивану и уселась там, поджав колени. Она выглядела крошечной – совсем ребенок, – только морщинки на лице выдавали ее возраст.

Мой взгляд уловил беззвучное движение – и небольшой серый горный лев с надорванным ухом и обрубок хвоста, плавно запрыгнув на диван, устроился рядом с Мёрфи. Она прижала кота к себе, поглаживая серый мех.

При виде Мистера на глаза мне навернулись слезы. Мой кот. Когда чета вампиров Ээбы сожгла мою старую квартиру, я знал, что Мистеру удалось спастись от огня, но не имел ни малейшего представления, что случилось с ним дальше, – меня застрелили прежде, чем я успел вернуться на пожарище. Я помнил, как впервые обнаружил его еще котенком: он забрался в мусорное ведро, тощий и голодный. Мистер был моим жильцом, а возможно, и настоящим хозяином квартиры с тех пор, как я приехал в Чикаго. Веса в нем добрых тридцать фунтов, и он полон кошачьей надменности. Тем не менее он был так добр, что всегда появлялся, когда я пребывал в раздрае, давая мне шанс понизить кровяное давление, глядя его или уделяя ему внимание каким-нибудь другим образом. Уверен, со своей стороны он считал это едва ли не божественной милостью.

Кошки – они такие.

Не знаю, сколько я простоял так у окна. Очнулся я, когда рядом со мной возник сэр Стюарт.

– Дрезден, – шепотом произнес он, – с юго-востока приближаются несколько созданий.

– То, что вас прежде не называли Трипио, мало что меняет, сэр Стюарт.

Он поморгал, уставившись на меня, потом тряхнул головой и взял себя в руки:

– Их там с полдюжины, и столько же машин.

– Понял. Скажите Морти, пусть не выходит из машины, пока я не смогу их опознать, – сказал я. – Но подозреваю, ему ничего не угрожает.

– Ничего? – переспросил призрак. – Значит, вы знаете их?

– Пока не уверен, – мотнул головой я. – Сейчас увидим.

Глава 9

Десять минут спустя я стоял и, мурлыча себе под нос незатейливый мотивчик, наблюдал за сборищем в гостиной у Мёрфи. Сэр Стюарт стоял рядом и не без любопытства прислушивался.

– Прошу прощения, чародей, – заметил он, – но что это за мелодию вы пытаетесь исполнить?

Я изобразил губами звук фанфар главной темы, а затем постарался как можно точнее попасть в тональность закадрового голоса:

– В большом зале Лиги Справедливости собрались четверо величайших героев Вселенной, порождения легенд глубокого космоса!

Сэр Стюарт нахмурился:

– Порождения ле...

– Легенд глубокого космоса, – повторил я тем же дикторским тоном.

Сэр Стюарт сощурил глаза и слегка отвернулся от меня, напряженно расправив плечи:

– Бессмыслица какая-то. Абсолютная. Бессмыслица.

– В семидесятые это показывали по субботам, по утрам, – пояснил я и кивнул в направлении комнаты за окном. – И здесь у нас происходит что-то в этом роде. Хотя для зала Лиги Справедливости комнатка немного маловата. Должно быть, в те времена недвижимость была дешевле.

– Гости собрались, – заметил сэр Стюарт. – Вы их знаете?

– Большую часть, – кивнул я и тут же задумался. – По крайней мере, знал полгода назад.

Многое изменилось – начиная с короткой стрижки Мёрфи. Я начал представлять сэру Стюарту тех, кто был мне знаком.

За спиной у Мёрфи стоял, прислонившись к стене и сложив мускулистые руки на груди, Уилл Борден. Роста он был ниже среднего, зато сложения далеко не среднего, а на порядок выше. Одна мускулатура, ни капли жира. Я привык видеть его в обычной обстановке, в деловом костюме – конечно, когда он не превращался в огромного темного волка. Сегодня он красовался в тренировочных штанах и свободной футболке – такая одежда удобнее, если надо быстро перекинуться. Уилл отличался спокойным характером. На такого можно положиться. Еще он возглавлял небольшую шайку местных юнцов – все они, само собой, уже выросли, – которые научились перекидываться волками. Они называли себя Альфами с таких незапамятных времен, что я даже привык к этому дурацкому названию.

Я не привык к Уиллу, играющему роль тяжеловеса, но именно ее он явно исполнял теперь. Лицо его казалось почти угрюмым, а в глазах горела сдерживаемая агрессия. Он производил впечатление человека, готового не просто подраться, но с радостью ввязаться в драку при первой же возможности.

Недалеко от Уилла свернулась калачиком на диване другая девушка из Альф, с прямыми волосами серого, я бы сказал, мышиного цвета. Вид такой, что дунь – улетит. Глаза застенчиво глядели из-под очков и падавшей на них челки, – казалось, она смотрит разом на всех, и ни на кого в особенности.

Я не видел ее несколько лет, но она точно входила в состав Альф с самого начала, а с тех пор окончила университет и выпорхнула в большой мир. Звали ее... Марджи? Мерси? Марси. Да, точно. Ее звали Марси.

Рядом с Марси сидела полная, жизнерадостного вида блондинка с кудряшками, заколотыми двумя китайскими палочками для еды; по возрасту она всего на пару лет не дотягивала до того, чтобы исполнять роль доброй бабушки в утренних телепередачах. Одета она была в платье с растительным орнаментом, а на коленях у нее сидел пес размером с небольшую сардельку – йоркширский терьер. Как и положено терьеру, песику не сиделось на месте, и взгляд его ярких темных глаз настороженно шарил по собравшимся в комнате, то и дело возвращаясь к Марси. Время от времени в его крошечной груди klokотал негромкий рык, и он явно ощущал себя единственным защитником своей хозяйки.

– Эбби, – шепнул я сэру Стюарту. – Ее зовут Эбби. А собаку – Тото. Она спаслась, когда вампир Белой Коллегии устроил охоту на их кружок магов-любителей.

Песик вдруг спрыгнул с коленей хозяйки и бросился на Уилла, однако Эбби с замечательной для ее комплекции ловкостью перехватила его на лету. Впрочем, насчет ловкости я ошибся: просто ее движение началось за полсекунды до того, как йорк тронулся с места. Эбби была ясновидящей. Далеко в будущее заглянуть она не могла, только на несколько секунд, но и это дано далеко не каждому, так что, полагаю, тарелки у нее на кухне бьются реже обычного.

Уилл смотрел на Тото с улыбкой. Эбби шикнула на йорка, хмуро покосилась на Уилла и, держа песика одной рукой, другой взяла со стола чашку чая.

Рядом с Эбби сидел худощавый крепкий юнец в джинсах, тяжелых башмаках и плотной фланелевой рубашке. Темные волосы его пребывали в беспорядке, серые глаза внимательно следили за происходящим; ямочкой на подбородке, казалось, можно открывать пивные бутылки. Я узнал его только со второго взгляда, и немудрено: в последний раз, когда я его видел, он был на пару дюймов ниже и едва ли не на сорок фунтов легче. Дэниел Карпентер, старший из младших братьев моей ученицы. Он выглядел так, словно сидел не на диване, а на раскаленной сковородке, явно готовый в любой момент вскочить и храбро вытворить что-нибудь необдуманное. Большая часть внимания Уилла, как мне показалось, уделялась именно Дэниелу.

– Успокойся, – посоветовала ему Мёрфи. – Возьми пирожное.

Дэниел порывисто мотнул головой:

– Спасибо, не надо, мисс Мёрфи. Просто я не вижу в этом смысла. Я должен пойти искать Молли. Если я сейчас выйду, через час уже вернусь.

– Если Молли здесь нет, будем исходить из того, что у нее на это имеется веская причина, – возразила Мёрфи спокойным и совершенно неумолимым тоном. – Нет смысла бегать по городу в такую погоду.

– Тем более, – добавил Уилл, – мы бы нашли ее быстрее.

Дэниел на мгновение насупился, но почти сразу же отвернулся. У меня сложилось впечатление, что ему уже доводилось соревноваться с Уиллом в скорости и результат оказался не в его пользу. Так или иначе, юнец промолчал.

В кресле рядом с диваном сидел пожилой мужчина – он воспользовался моментом, чтобы налить чая в фарфоровую чашку и поставить ее перед юным Карпентером. Он насыпал туда пару ложек сахара и улыбнулся Дэниелу. В его голубых глазах не было ни угрозы, ни настойчивости – только спокойная уверенность в том, что юноша возьмет чай и угомонится.

Дэниел угрюмо посмотрел на него, потом взгляд его опустился на целлулоидный подворотничок и висевшее под ним распятие. Он вздохнул, кивнул и принялся размешивать сахар. Взяв чашку обеими руками, он откинулся на спинку стула, приняв выжидательную позу. Сделав глоток-другой, парень, похоже, забыл о том, что держит чашку в руках, но он продолжал молчать.

– А вам, мисс Мёрфи? – спросил отец Фортхилл, вновь поднимая чайник. – Ночь сегодня холодная. Уверен, чашка чая вам не помешает.

– Почему бы и нет? – кивнула она.

Фортхилл налил и ей, поставил чайник и зябко поправил свитер, словно надеясь извлечь из него больше тепла. Потом подошел к окну, за которым стояли мы с сэром Стюартом, и протянул обе руки в нашу сторону:

– Вы уверены, что окно плотно закрыто? Готов поспорить, откуда-то сквозит.

Я озадаченно моргнул и посмотрел на отставного морпеха.

Сэр Стюарт пожал плечами:

– Он из хороших.

– Хороших? В каком смысле?

– Священников. Жрецов. Шаманов. Как их ни назови. – Выражение его лица оставалось подчеркнуто бесстрастным. – Когда всю жизнь заботишься о душах ближних, поневоле получаешь истинное представление о них. – Сэр Стюарт кивнул в сторону отца Фортхилла. – Призраки вроде нас не совсем души, но разница не слишком велика. Он ощущает наше присутствие, хотя сам не осознает этого до конца.

Тото вырвался из рук Эбби, простучал коготками по дощатому полу в сторону окна и, встав на задние лапы и опершись передними о стену под оконной рамой, несколько раз свирепо тявкнул, глядя на меня в упор.

– И собаки, – добавил сэр Стюарт. – Примерно одна из десяти обладает способностью чувствовать нас. Возможно, поэтому они вечно лают.

– А кошки? – поинтересовался я.

Мистер ушел из гостиной, стоило в нее набиться народу, и больше я его не видел.

– И кошки, само собой. Насколько мне известно, все до единой. Хотя то, что мы мертвы, но все еще здесь, не производит на них особого впечатления. Они редко реагируют на нас.

Отец Фортхилл осторожно поднял Тото с пола. Песик энергично завилял хвостом и успел облизать ему руки, прежде чем тот вернул его Эбби.

Фортхилл улыбнулся Эбби, налил себе еще чая и сел на место.

– Кого они ждут? – спросил сэр Стюарт. – Эту Молли, о которой они говорили?

– Возможно, – сказал я. В гостиной оставался один незанятый стул. Он стоял у двери, отдельно от другой мебели – так, чтобы все остальные сидящие хорошо его видели. Или не мешали друг другу в случае, если дело дойдет до стрельбы. Впрочем, возможно, это были только мои домыслы. – Но я не уверен.

Послышался звук, похожий на негромкое чириканье, и Мёрфи достала рацию размером не больше колоды карт:

– Мёрфи. Что там?

– Игрушечная тачка подъезжает, – произнес негромкий голос. – Пушистые патрулируют внешний периметр.

Уилл настороженно потянул носом, прислушиваясь.

Мёрфи улыбнулась и тряхнула головой:

– Спасибо, Глаза. Заходите, как только с ней разберемся. Горячий чай гарантирован.

– Погода совсем никуда, ага. Причем только в Чикаго. Ладно, конец связи.

– Это никуда не годится, – подал голос Дэниел, когда Мёрфи убрала рацию. – Связь просто чудовищная. В тактической ситуации может выйти так, что перепутаются сообщения.

Мёрфи выразительно выгнула бровь.

– Пытаюсь представить себе ситуацию, – сухо произнесла она, – при которой кто-то, кого по ошибке призывают остерегаться врага, умрет страшной смертью.

– Например, когда кто-то из команды жонглирует пробирками со смертоносным вирусом, – с готовностью подсказал Уилл. – Или с нитроглицерином.

Мёрфи кивнула:

– Зарубите себе на носу: не пользоваться рацией при жонглировании нитроглицерином.

– Заметано, – ухмыльнулся Уилл.

Дэниел насупился:

– Очень у вас большие зубы, мистер Борден.

Уилл не пошевелился:

– Дело не в моих зубах, дружок. Дело в твоей коже. Она у тебя очень тонкая.

Дэниел недобро прищурился, но отец Фортхилл положил руку ему на плечо. Вряд ли пожилой священник мог бы совладать с Дэниелом физически; скорее я сравнил бы его прикосновение с цепью, соединяющей корабль и тяжелый якорь. Он словно облокотился о юношу, намереваясь встать, однако на деле всего лишь уселся поудобнее и скрестил руки на груди.

– Бледная морда через пять... четыре... три... – послышалось из рации Мёрфи.

Спины напряглись. Лица застыли как маски. Несколько рук разом скрылись из виду. Чья-то чашка несколько раз звякнула о блюде, прежде чем угнездиться на положенном месте.

Со своего места под окном я видел открывающуюся дверь. Ровно через две секунды после того, как умолкла рация, в гостиную вошел вампир Белой Коллегии. Вернее, не вошел, а вошла.

Роста в ней было примерно пять футов и два дюйма, на лице сияла очаровательная улыбка, а темные вьющиеся волосы ниспадали до самой талии. Одежду ее составляли длинная пышная белоснежная юбка, белая блузка и ярко-алые балетки. Первая мысль, пришедшая мне в голову, звучала примерно так: «Ух ты, какая восхитительная крошка!» – и сразу после этого на ум пришло, что она, должно быть, построила бы на редкость брезгливую физиономию, если бы все вокруг заливала кровь. Я прямо-таки видел, как она подбирает безупречную юбку, чтобы крови касались только алые балетки.

– Всем добрый вечер! – жизнерадостно поздоровалась от двери вампирша. Говорила она с сильным британским акцентом. – Извините, чуть задержалась... нелегко леди добираться в такую погоду. Чай? Замечательно.

Она подпорхнула к столу и наполнила пустую чашку. Взгляд ее при этом задержался на Дэниеле, и она наклонилась, как бы невзначай демонстрируя ему свое декольте. Дэниел покраснел и сурово отвернулся – спустя секунду.

Не могу корить в этом парня. Сам был таким. Лет до двадцати пяти вся Вселенная вращается вокруг сисек. Не случайно водительские страховые полисы дешевлеют именно для лиц старше этого возраста.

Вампирша ухмыльнулась – надо сказать, для ее ангельского личика с губками бантиком это выглядело неожиданно хищно – и уселась на свободный стул у двери. Держалась она – ни дать ни взять кинозвезда Ширли Темпл на съемочной площадке, уверенная, что все взгляды обращены на нее.

– Дерзко, – заметил я вполголоса.

– Почему вы так считаете? – поинтересовался сэр Стюарт.

– Она вошла без приглашения, – сказал я.

– Мне казалось, вампиры этого не могут.

– Красные – нет, не могут... то есть не могли, чтобы их при этом хотя бы наполовину не парализовало. Вампиры Черной Коллегии не могут вообще. Белые могут, но это ограничивает их возможности. В первую очередь – способность утолять свой Голод.

Сэр Стюарт покачал головой:

– Ах да. Она же суккуб.

– Ну... не совсем, но разница невелика.

Тень кивнула:

– Мне лучше держать Мортимера подальше от этой твари.

– Наверно, неплохая мысль, – согласился я. – Он обладает доступом к уйме ценной информации. Они любят прибрать таких, как Морти, к ногтю.

– Приветствую, Фелиция, – произнесла Мёрфи холодным, профессиональным тоном. – Ладно. Мистера Чайлдза сегодня с нами не будет. Он уполномочил меня действовать и от его имени.

Фелиция сжала чашку пальцами обеих миниатюрных рук и прильнула губами к ободку. Все остальные пили осторожно, дуя на горячий чай. Вампирша сделала большой глоток, словно чай уже остыл, и на лице ее отразилось искреннее наслаждение.

– Как мило с вашей стороны. Мы еще увидим этого элегантного джентльмена?

– Зависит от Марконе, – отозвалась Мёрфи. – Эбби?

Тото, не отрываясь, смотрел на Фелицию. Если бы он мог угрожающе рычать, то наверняка так бы и поступил. Вместо этого с его стороны доносились негромкие писклявые звуки.

Эбби крепче ухватила Тото и сверилась с лежавшим у нее на коленях блокнотом:

– Паранет действует с эффективностью примерно семьдесят пять процентов. На этой неделе нам удалось восстановить связь с Миннесотой, Массачусетсом и Алабамой. – Она кашлянула и несколько раз моргнула. – Мы утратили связь с Орегоном.

– А Сиэтл? Такома? – спросила Мёрфи.

– Да, – тихо произнесла Эбби. – Последние трое суток мы ничего не слышали ни от кого из участников из всех этих городов.

Отец Фортхилл перекрестился и пробормотал что-то себе под нос.

– Аминь, отче, – прошептала Фелиция.

– Кто-то получил доступ к спискам, – хрипло предположил Дэниел.

Уилл хмыкнул и кивнул.

– Нам известны имена? – спросил он.

– Эм... – пробормотала Эбби, с извиняющейся улыбкой покосившись на Уилла. – Мы пока что ни с кем не связались. Так что нет. Надо послать кого-нибудь выяснить на месте.

Мёрфи энергично мотнула головой:

– Нет. Если захвачено так много людей, это может означать только одно: там орудуют очень серьезные силы. Если в Орегоне действуют в полную силу фоморы, мы бы послали нашего разведчика прямо в змеиное логово.

– Если поспешим, – твердо возразила Эбби, – нам, возможно, удастся кого-нибудь спасти. Мёрфи призадумалась на мгновение:

– Верно. Только что мы можем сделать, находясь здесь.

Она посмотрела на Фортхилла.

– Я постараюсь выяснить все, что смогу, по своим каналам, – пообещал он. – Но... боюсь, возможности помочь делом у нас не очень много.

Мёрфи кивнула:

– Это мы предоставим Стражам.

Дэниел фыркнул почти в унисон со мной.

– Ну да, Белый Совет, – буркнул он. – Они, конечно, помогут. Ведь они так тревожатся о простых людишках и их ближайшем будущем... Они вмешаются не позднее чем через годик-другой.

Уилл бросил на Дэниела выразительный взгляд, и желваки на его челюсти пару раз подвигались туда-сюда.

Мёрфи подняла руку, останавливая обоих:

– Я позвоню Рамиресу и попрошу произвести разведку. И попрошу помощи у Элейн Мэллори.

Элейн Мэллори. При звуках этого имени что-то во мне надломилось, и в голову хлынул поток воспоминаний. Элейн оказалась у меня первой. Первой подругой. Первой страстью. Первой любовницей. Первой жертвой... во всяком случае, я много лет так полагал. Каким-то образом ей удалось спастись из огня, поглотившего моего старого наставника Джастина Дю Морне.

Весь миллион воспоминаний навалился на меня разом. Я словно смотрел на стену в супермаркете, уставленную телевизорами, каждый из которых принимал свою программу, стараясь перекричать соседей. Солнце на коже. Изящный изгиб талии, стройная, мускулистая спина... Элейн, ныряющая в залитый лунным светом бассейн. Ослепительное ощущение первого поцелуя на губах, медленного, нерешительного, осторожного...

Элейн. Обращенная Джастином в рабыню. Ей не хватило сил противостоять наставнику, когда тот завладел ее рассудком. А мне не удалось ее защитить.

Не знаю, чего в этих воспоминаниях было больше – радости или боли. Так или иначе, они отличались пьянящей яркостью и оглушали не хуже наркотика.

Адские погремушки, как мне не нравилось мое новое состояние...

У меня ушло несколько секунд, чтобы отогнать воспоминания, – как раз вовремя, чтобы услышать, как вампирша говорит.

Фелиция кашлянула и подняла руку, требуя внимания.

– Если на то пошло, – начала она, – насколько мне известно, у нас имеются активы в тех штатах. Не исключено, что нам удастся узнать что-либо через них.

– Не исключено также, что в исчезновениях повинны именно они, – мягко предположила Марси.

– Вздор, детка! – пренебрежительно дернула головой Фелиция. – Нам нет нужды ловить добычу поодиночке и собирать ее в загоны, где охота на нее проще. – Она одарила Марси очаровательной улыбкой. – Такие загоны у нас и без того есть. Они называются «города».

– Мы будем рады любой информации, которой готова поделиться с нами Белая Коллегия, – все тем же спокойным, профессионально нейтральным тоном произнесла Мёрфи. – Что насчет Чикаго, Эбби?

– За прошедшую неделю мы потеряли двоих, – сообщила Эбби. – Натана Симпсона и Санбим Монро.

– Симпсона убил вурдалак, – добавил Уилл. – С ним мы уже разобрались.

Мёрфи одобрительно посмотрела на Уилла:

– Я виделась с Санбим?

Эбби утвердительно кивнула:

– Студентка. Из Сан-Хосе.

Мёрфи поморщилась:

– Точно. Такая высокая? У нее родители еще познакомились в бытность свою хиппи?

– Она самая. Ее проводили до поезда, а на конечной станции должны были встретить.

Но она так и не приехала.

Мёрфи издала негромкий рычащий звук, более чем компенсировав этим поведение Тото.

– Что-нибудь удалось выяснить?

Уилл покосился на Марси. Девушка покачала головой:

– Снег сохраняет слишком много запахов. Я не смогла найти ничего определенного. –

Она уставилась на свои колени. – Мне очень жаль.

Последние слова Мёрфи проигнорировала:

– Ей нельзя было ехать одной. Надо особо подчеркивать всем важность взаимной поддержки.

– Но как? – спросила Эбби. – Я имею в виду, об этом и без того написано в каждой инструкции.

Мёрфи кивнула:

– Уилл?

Уилл побарабанил пальцами по бицепсу и кивнул в ответ:

– Я прослежу.

– Спасибо.

Эбби несколько раз поморгала и осторожно открыла рот:

– Кэррин... вы ведь не хотите сказать, что...

– Люди гибнут, – просто ответила Мёрфи. – Порой нет лучшего лекарства от глупости, чем страх.

– Или мы могли бы попытаться их защитить, – подал голос Дэниел.

Фортхилл снова поднял руку, но на этот раз юноша не обратил на него ни малейшего внимания и встал на ноги. Голос у Дэниела оказался сочным, сильным баритоном:

– По всему миру темные силы поднимаются на борьбу со смертными, имеющими хоть какое-то отношение к сверхъестественному. Убивают их или утаскивают в темноту. Вновь показываются твари, которых человечество не видывало уже пару тысяч лет. Они охотятся на смертных. Охотятся друг на друга. Тени просто кипят смертью и ужасом, а никто и палец о палец не ударит по этому поводу! Стражи, еще не отдохнув от войны с вампирами, оказались вовлеченными в новую, даже не зная врага в лицо. У Белого Совета не хватает Стражей даже для того, чтобы расхлебывать уже случившееся. Если их позовут на помощь откуда-либо, кроме самых крупных городов, на них можно даже не рассчитывать. А мы чем занимаемся? – В голосе у Дэниела зазвучало тихое презрение. – Советуем людям ходить стадами. Стараемся их запугать, словно в мире и без того мало ужаса.

Мёрфи посмотрела на него в упор.

– Довольно! – резко произнесла она.

Дэниел словно не слышал ее.

– Вы же знаете, – произнес он, расправив плечи. – Вы знаете, мисс Мёрфи, что надо делать. У вас хранится едва ли не самое грозное оружие против сил тьмы, какое знает мир. Принесите мечи.

В комнате воцарилась мертвая тишина, и сэр Стюарт непринужденно спросил меня:

– Что еще за мечи?

– Мечи Креста, – ответил я по привычке шепотом, хотя услышать меня в комнате не мог никто. – Те, в рукоять которых вделаны гвозди из того самого распятия.

– Да-да, Экскалибур, Дюрандаль и Кусанаги, – слегка нетерпеливо проговорил сэр Стюарт. – Еще бы мне не знать, что такое мечи Креста. И что, у этой блондиночки хранятся два из них?

Мгновение я молча смотрел на его тень. До меня доходили слухи, что Амораккиус и есть тот самый меч, который вручили когда-то королю Артуру, но про историю остальных двух я не узнал ничего, как ни старался. Тень озвучила мне их названия так, словно о них известно каждому школьнику.

– Что не так? – нахмурился сэр Стюарт.

– Я не... Знали бы вы, сколько я искал... – выдохнул я, спохватился и тоже нахмурился. – Я учился в самой обычной бесплатной школе.

Тем временем в комнате Мёрфи так и продолжала молчать. Минуты две она смотрела на Дэниела, потом выразительно покосилась в сторону Фелиции и снова устремила взгляд на Дэниела.

Юноша тоже покосился на Фелицию, зажмурился, щеки его заметно порозовели, а пылаявно на порядок убавилось. Он пробормотал что-то себе под нос и поспешно сел.

Вампирша невозмутимо сидела, глядя на Дэниела поверх чашки так, словно рот ее был полон меда, – что, насколько я мог судить, никак не соответствовало истине.

– Нравятся мне юные мужчины, – промурлыкала она. – Очень нравятся.

– Мистер Карпентер, – произнесла Мёрфи, – полагаю, вы поделились с врагами человечества достаточным количеством секретов для одного вечера?

Дэниел промолчал.

– Раз так, будьте добры, помогите Глазам и Пушистым дежурить на улице.

Не говоря ни слова, Дэниел поднялся и накинул на плечи тяжелую, подбитую мехом джинсовую куртку – старую, потрепанную. Я видел ее на его отце, а вот Дэниелу куртка была чуть великовата. Он вышел на кухню, а оттуда – во двор.

В комнате вновь воцарилась тяжелая тишина.

– Оба меча, – беззаботно произнесла Фелиция, глядя синими, словно барвинок, глазами на Мёрфи. – Надо же! – Она отпила еще глоток из чашки. – Но конечно же, вам, лапочка, придется теперь меня убить. Если сумеете. – Миниатюрная вампирша небрежно окинула взглядом всех сидевших в гостиной. – Я бы поставила четыре к одному против.

– Я не могу позволить, чтобы Белая Коллегия узнала о мечах, – согласилась Мёрфи.

Пальцы ее парили в угрожающей близости от рукояти пистолета.

Уилл наблюдал за происходящим скучающим взглядом. Однако каким-то образом ему удалось за несколько секунд переместить вес на ноги. Марси продолжала сидеть на диване, но подобрала ноги под платье, так что теперь ничто не мешало ей в мгновение ока сбросить его с себя и перекинуться.

Фелиция даже не шелохнулась. Вероятная угроза ее, казалось, нисколько не заботила. Я сделал зарубку на память: даже не пытаться играть с ней в покер.

– Ну-ну, лапочка. Если вы собирались потанцевать, кто-нибудь да завел бы уже музыку. Давайте-ка лучше поболтаем. – Она улыбнулась, глаза ее вдруг сделались заметно светлее. – Между нами, девочками. Мы могли бы пойти прогуляться.

Мёрфи фыркнула, вытащила пистолет из-за пояса и положила его на подлокотник. Руку она опустила на пистолет, не касаясь пальцем курка.

– Не считайте меня идиоткой, Фелиция. Вы останетесь там, где сидите. И я тоже. Все остальные – выйдите.

Эбби поднялась с места раньше, чем Мёрфи закончила говорить, и вышла, держа Тото под мышкой.

Уилл нахмурился.

– Вы уверены? – спросил он у Мёрфи.

Отец Фортхилл тоже поднялся, хмурясь.

– Мои старые кости в любом случае просят размяться, – заявил он. – Спокойной ночи, мисс Мёрфи. Уильям?

Уилл буквально зарычал; человеческое горло не способно воспроизвести такого звука. Все же он кивнул Мёрфи и направился к двери. Марси спрыгнула с дивана и последовала за ним. Последним из комнаты удалился Фортхилл. Я услышал, как они выходят через черный ход – должно быть, чтобы подождать на заднем дворе.

– Это мне нравится, – с улыбкой заметила Фелиция. – В этом домике такая очаровательно интимная атмосфера... Вам так не кажется? – Она склонила голову набок. – Мечи находятся в помещении?

– Полагаю, вам следует назвать свою цену, – отозвалась Мёрфи.

Фелиция повела бровью, и чувственная улыбка на ее губах сменилась довольной ухмылкой.

– За... – Мёрфи прокашлялась. – Забудьте. Этому не бывать.

Вампирша скривила губки в насмешливой гримасе:

– Ох уж эта пуританская трудовая этика! Можно подумать, бизнес нельзя совмещать с удовольствиями.

– Это не бизнес, мисс Рейт. Это шантаж.

– Смотри, с какой стороны поглядеть, – пожала плечами Фелиция. – Суть, Кэррин, в том, что вы вряд ли можете позволить себе быть брезгливой.

– Правда?

– Истинная правда. Вы умны, опытни, сильны духом – и довольно грозны... – Она улыбнулась. – Для смертного. Однако, в конце концов, вы всего лишь одинокая смертная. И вы больше не находитесь под защитой ни правопорядка, ни членов Белого Совета.

Мёрфи застыла, как изваяние:

– И что?

Фелиция вздохнула.

– Мечи обладают ценностью, – произнесла она сухим, деловым тоном. – За них можно получить уйму влияния. Если Белая Коллегия узнает об этом и решит завладеть ими, они вас одолеют. Они спросят, где вы их прячете. И заставят выдать их.

Мёрфи презрительно дернула плечом, встала и подошла к Фелиции, небрежно держа пистолет:

– И... что тогда? Если я дам вам то, чего вы хотите, вы сохраните молчание?

Фелиция кивнула, томно опустив веки:

– По крайней мере на несколько дней. За это время вы сможете принять необходимые меры для их защиты.

– Вы хотите мной кормиться? – предположила Мёрфи.

Фелиция провела ярко-розовым язычком по верхней губе, и глаза ее посветлели еще сильнее.

– Хочу. Очень.

Мёрфи нахмурилась и кивнула.

А потом с размаху врезала ей рукоятью пистолета по зубам.

– Да-а-а! – не выдержал я и потряс в воздухе сжатым кулаком.

Вампирша коротко ошеломленно охнула, отшатнулась и, упав со стула на колени, сделала попытку отползти подальше от Мёрфи.

Мёрфи не дала ей такой возможности. Она схватила Фелицию за волосы, рывком вздернула на ноги, а потом, вскрикнув от напряжения, сунула ее лицом в журнальный столик. Разбив по дороге чашку и блюдце, Фелиция врезалась в дубовую столешницу с такой силой, что по той пробежала трещина.

Мёрфи повторила эту процедуру еще дважды и лишь после этого повернулась и потащила Фелицию за волосы к двери. Там она швырнула ее на пол и направила пистолет ей в затылок.

– А теперь слушайте, что произойдет, – тихим, но не оставляющим сомнений голосом произнесла Мёрфи. – Вы выйдете отсюда живой. Вы будете держать свой чертов рот на замке. И мы никогда больше не станем возвращаться к сегодняшнему разговору. Если Белая Коллегия даже краем глаза начнет коситься в сторону мечей, я до вас доберусь, Фелиция. Что бы ни случилось со мной в конце концов, но, прежде чем доберутся до меня, я доберусь до вас.

Фелиция повернула к ней лицо. Она явно еще пребывала в потрясении. Мёрфи сломала ей нос и выбила по меньшей мере два зуба. Одна скула уже заплыла и потемнела. Все лицо покрылось порезами от разбитой чашки и ожогами от кипятка.

Мёрфи нагнулась еще ниже и приставила ствол пистолета Фелиции ко лбу.

– Бах, – прошептала она очень тихо.

Вампирша вздрогнула.

– Поступайте, как считаете нужным, Фелиция, – прошептала Мёрфи. Потом медленно выпрямилась и вернулась на свое место. – А теперь, – произнесла она громким, спокойным голосом, – убирайтесь вон из моего дома.

Фелиция, шатаясь, поднялась на ноги, открыла дверь и заковыляла к белому лимузину, стоявшему на улице перед домом. Мёрфи подошла к окну и дождалась, пока та сядет в машину и уедет прочь.

– Ага, – промолвил я невозмутимо. – У этой блондиночки хранятся два из них.

– Боже правый! – с уважением в голосе проговорил сэр Стюарт. – Теперь я понимаю, почему за помощью вы обратились именно к ней.

– Чертовски верно, – согласился я. – А сейчас давайте-ка позовем Морти. Пока она в хорошем настроении.

Глава 10

Я дождался Морти и сэра Стюарта на крыльце. Ночь, судя по всему, выдалась холодной. Морти стоял, съежившись под порывами ветра, сунув руки в карманы пальто. Взгляд его нервно метался из стороны в сторону. Он дрожал.

– Нажмите на звонок, – сказал я. – И возможно, это всего лишь мое личное мнение, но на вашем месте я бы держал руки на виду.

– Спасибо, – без особого энтузиазма отозвался Морти, нажимая на дверной звонок. – Я еще не говорил вам, Дрезден, сколько света и радости вы приносите с собой в мой мир всякий раз, как в него вторгаетесь?

– Всего-то день работы, если вы порождение легенд Вселенной, – заметил я.

– Имейте в виду, – вмешался сэр Стюарт, – что справа и слева от нас находятся волки.

Я оглянулся. Он говорил правду. Один волк, тот, что массивнее, отличался темным мехом, второй, что помельче, – бурым. Они сидели в тени, застывшие, как изваяния, так что заметить их мог только наметанный глаз. Оба напряженно следили за крыльцом.

– Уилл и Марси, – сказал я. – Хорошо смотрятся.

– Опасные хищники, – ответил Морти сквозь зубы.

– Капитан, подтянитесь! Они не причинят вам вреда, и вы это прекрасно знаете.

Морти еще успел одарить меня недобрым взглядом, а потом Мёрфи открыла дверь.

– Мисс Мёрфи, – поклонился ей Морти.

– Линдквист, если не ошибаюсь? – спросила Мёрфи. – Медиум?

– Совершенно верно.

– Что вам надо?

– Сзади, – вполголоса произнес сэр Стюарт.

Я оглянулся. Улицу по направлению к дому пересекала стройная мужская фигура в тяжелой зимней одежде. Рядом с ней шел третий волк, с мехом рыжевато-коричневого оттенка.

– Я здесь для того, чтобы говорить от имени одного вашего знакомого, – сказал Морти. Глаза у Мёрфи превратились в две обжигающе холодные ледышки.

– Кого?

– Гарри Дрездена, – ответил Морти.

Мёрфи стиснула правую руку в кулак. Слышно было, как хрустнули суставы.

Морти поперхнулся и отступил на полшага назад.

– Послушайте, мне самому меньше всего хотелось оказаться здесь, – взмолился он, поднимая руки и демонстрируя ей пустые ладони. – Но вы ведь его знаете. Его тень не менее настырна, чем сам Дрезден был при жизни.

– Вы чертов лжец! – рявкнула Мёрфи. – Вы известный мошенник. И вы играете с огнем.

Морти долгое мгновение молча смотрел на нее, потом поморщился:

– Вы... вы верили, что он все еще жив?

– Он жив, – ответила Мёрфи, упрямо выпятив подбородок. – Тела так и не нашли.

Морти опустил глаза, обиженно поджал губы и провел рукой по лысине, размазав по ней несколько снежинок. Потом сделал глубокий вдох и попробовал еще раз:

– Мне очень жаль. Жаль, что все так сложно.

– Ничего сложного, – возразила Мёрфи. – Просто раздражает. Потому что он еще жив.

Морти повернулся ко мне и развел руками:

– Она все еще не верит. Послушайте, здесь я вряд ли смогу что-нибудь сделать. Я и так старался как мог. Ей нужно время.

– Нет, – мотнул я головой. – Нам необходимо заставить ее понять. Сегодня.

Морти помассировал переносицу:

– Что-то незаметно, Дрезден, чтобы вы повзрослели.

Мёрфи продолжала буравить Морти своим полицейским взглядом – интенсивности в нем ничуть не убавилось.

– Все это не становится ни правдоподобнее, ни увлекательнее, Линдквист. Мне кажется, вам лучше уйти.

Морти кивнул, еще раз подняв руки в знак капитуляции:

– Я понимаю. Все, ухожу. Прошу вас, поверьте, я просто хотел помочь.

– Стойте! – рявкнул я. – Наверняка есть что-то такое, что вы могли бы ей сказать.

Морти покосился на меня, в третий раз беспомощно поднял руки и двинулся к машине.

Я стиснул зубы... От Мёрфи меня отделяло меньше фута. Как, черт подери, мне убедить ее, что это правда я?

«Заставив Морти рассказать о чем-то, что известно лишь тебе одному, тупица!» – обругал я себя. И окликнул:

– Морти!

Он задержался на полпути и оглянулся на меня.

– Спросите у нее вот что, – попросил я и выпалил вопрос.

Морти вздохнул. Потом повернулся к Мёрфи.

– Прежде чем я уйду, – сказал он, – Дрезден хочет, чтобы я спросил у вас, нашли ли вы того в меру привлекательного и физически здорового мужчину?

Мёрфи не пошевелилась. Лицо ее побелело. С минуту она молчала.

– Что вы сказали? – прошептала она наконец.

Я подсказал Морти.

– Дрезден хочет, чтобы я сказал вам, что он не собирался предпринимать ничего такого... драматичного. Просто так все сложилось.

Волки и человек в тяжелой куртке подступили ближе, прислушиваясь. Мёрфи несколько раз сжала и разжала кулак.

– Сколько вампиров, – спросила она, – пришлось убить мне и агенту Уайту, чтобы спастись из офиса ФБР в прошлом году?

На меня накатила волна безумного восторга. Вот она, настоящая Мёрфи, – всегда мыслит логически.

Я продиктовал Морти ответ.

– Он говорит, что не знает, кто такой агент Уайт, но вы с Тилли убрали одного на лестнице. – Морти склонил голову набок, слушая меня, потом продолжил: – И еще ему интересно, считаете ли вы, что принять меч Веры будет означать... карьерное понижение?

Теперь с лица Мёрфи исчезли последние кровинки. Я буквально видел, как разом ввалились ее глаза, а лицо устало осунулось. Она прислонилась к дверному косяку, прижав руку к животу, словно ее ранили.

– Мисс Мёрфи, – мягко произнес Морти, – мне ужасно жаль являться к вам с такой новостью. Но тень Дрездена утверждает, что ему необходимо поговорить с вами. Что от этого зависят жизни людей.

– Угу, – перехваченным голосом отозвалась Мёрфи. – Это новость. – Она подняла взгляд на Морти. – Поклянитесь кровью.

Такая проверка – обычное дело для тех, кому случается иметь дело со сверхъестественным, но кто при этом сам лишен сверхъестественных способностей. На свете полно разных тварей, которые, будучи нелюдями, пытаются казаться людьми, – однако таких, у кого кровь при этом выглядит настоящей, очень и очень мало. Не самая идеальная проверка, но намного лучше, чем ничего.

Морти спокойно кивнул и извлек из кармана пальто английскую булавку. Просьба Мёрфи его, похоже, ничуть не удивила. По-видимому, в царившей обстановке такая проверка получила широкое распространение. Я задался вопросом, не Мёрфи ли стала ее инициатором.

Морти уколол булавкой подушечку большого пальца левой руки, и на ней выступила капелька алой крови. Он продемонстрировал ее Мёрфи.

Та кивнула:

– Здесь холодно. Пройдете в дом, мистер Линдквист?

– Спасибо, – выдохнул Морти.

– Время сбора, – объявила Мёрфи собравшимся у крыльца. – Хочу, чтобы вы проверили этого шутника. Уилл, будь добр, пошли кого-нибудь пригласить Неряху Энн.

– Я не хотел вас утруждать... – начал было Морти.

Мёрфи одарила его леденящей улыбкой:

– Тащите свою задницу в дом, садитесь и ждите. Я скажу вам, когда можно будет уйти. И если вы вдруг все-таки разыгрываете нас, так и знайте, у меня игры совсем другие.

Морти поперхнулся, но в дом послушно вошел.

Следующие полчаса Мёрфи, Уилл и отец Фортхилл допрашивали Морти, а через него и меня, под наблюдением Эбби и Дэниела. Каждый задал уйму вопросов, по большей части из области моего с ними личного общения. Морти пришлось передавать им мои ответы.

– Нет, отец, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы священники пользовались словами «засадить по самые помидоры».

– Слушай, Уилл, я же предлагал заплатить за эту штуку, сигнализацию.

– Дендрозлыдень? Ты, Мёрф, убила его бензопилой.

И так далее и тому подобное – до тех пор, пока у меня мозги... точнее, эктоплазма не начала плавиться.

– Нет, это просто смешно! – вскипел я. – Они просто тянут время. Почему?

Морти удивленно уставился на меня. Сэр Стюарт коротко хохотнул со своего места в углу, где он привалился спиной к стене.

Мёрфи, нахмурившись, пристально посмотрела на Морти:

– В чем дело?

– У Дрездена кончается терпение, – объяснил Морти, всем своим видом показывая, что сам он такого моего поведения не одобряет. – Видите ли, он, э-э-э, подозревает, что вы просто тянете время, и хочет знать почему. Мне очень жаль. Духи редко бывают такими...

– Упрямо своевольными? – предположила Мёрфи.

– Настойчивыми, – договорил Морти с нейтральным выражением лица.

Мёрфи откинулась на спинку стула и переглянулась с отцом Фортхиллом.

– Что ж, – сказала она. – это... Это чертовски похоже на Дрездена, не так ли?

– Я совершенно уверен, что некоторые из упомянутых здесь подробностей известны только Дрездену, – серьезно произнес Фортхилл. – Однако имеются и другие существа, которые могут знать такие вещи вне зависимости от того, присутствовали они сами при этом или нет. Очень и очень опасные существа.

Мёрфи посмотрела на Морти и кивнула.

– Итак, – сказала она, – или он говорит истинную правду, а значит, тень Дрездена действительно здесь рядом с ним, или кто-то ловко обвел нас вокруг пальца, и я запустила в дом кого-то очень нехорошего.

– Что до меня, – с усталой улыбкой заметил Фортхилл, – я не ощущаю здесь присутствия темных сил. Только небольшой сквозняк.

– Это тень Дрездена, отче, – почтительно сказал Морти.

Надо же, Морти – и католик. Кто бы мог подумать...

– Где Дрезден сейчас? – спросила Мёрфи без избыточного энтузиазма.

Морти посмотрел на меня и вздохнул:

– Он... Вроде как стоит рядом с вами, чуть слева, мисс Мёрфи. Он стоит, скрестив руки на груди и притопывая одной ногой, и каждые несколько секунд смотрит на левое запястье, хотя часов на нем нет.

– Обязательно нужно было выставить меня мальчишкой? – возмутился я.

Мёрфи фыркнула:

– Очень в его духе.

– Эй! – запротестовал я.

Послышался знакомый мягкий топот, и в комнату ворвался Мистер. Он пронесся по паркету и с разбегу врезался мне в ноги.

Для кота Мистер весьма увесист – добрых три десятка фунтов. От удара я пошатнулся, потом наклонился и провел рукой по пышному кошачьему меху. На ощупь кот оказался таким же, как всегда, и отозвался на это громким счастливым мурлыканьем.

До меня не сразу дошло, что я реально ощущаю Мистера. Ощущаю его мягкий мех, тепло его тела.

Более того, разогнавшийся во весь опор котяра врезался плечом в пустое пространство и остановился при этом как вкопанный!

Все как один, разинув рты, уставились на Мистера.

Ну да, одно дело знать о существовании сверхъестественного мира и иногда взаимодействовать с ним в сообразной этому зловещей обстановке. Однако гораздо сильнее потрясают проявления сверхъестественного в обыденном, бытовом: дверь, открывающаяся сама собой, тень на полу от отсутствующего предмета – или кот, мурлычущий и трущийся о любимого хозяина, которого в комнате нет.

– О! – только и сказала Мёрфи, и ее глаза наполнились слезами.

Уилл негромко присвистнул.

Отец Фортхилл перекрестился, и на губах его заиграла легкая улыбка.

Морти посмотрел на кота и вздохнул:

– О, ну конечно. Знаменитый на всю страну эктомант-профессионал исполняет роль медиума и говорит вам, что происходит, и никто ему не верит. Но стоит появиться мохнатому, бесхвостому мурлыке – и это убеждает всех, раз и навсегда.

– Ха! – произнес сэр Стюарт, явно забавляясь. – Говорил же я вам. Кошки!

Мёрфи повернулась ко мне. Взгляд ее целился чуть вбок, куда-то в сторону моей скулы. Я подвинулся так, чтобы оказаться точно на линии взгляда ее голубых глаз.

– Гарри?

– Я здесь, – отозвался я.

– Господи, я чувствую себя дура душой, – пробормотала Мёрфи, оглянувшись на Морти.

– Он ведь меня слышит, да?

– И видит, – подтвердил Морти.

Она кивнула и снова посмотрела на меня – опять чуть вбок. Я снова подвинулся.

Да нет, я понимаю, для нее это ничего не меняло.

Но это многое значило для меня.

– Гарри, – повторила она, – столько всего произошло с тех пор, как... как мы с тобой разговаривали в последний раз. Заклятие Чичен-Ицы убило не только тех Красных, которые там находились. Оно убило их всех. Всех вампиров Красной Коллегии в мире.

– Угу, – сказал я, и мой голос прозвучал даже более жестко, чем обычно. – В этом и состояла задумка.

Мёрфи чуть перевела дух:

– Баттерс говорит, что, возможно, где-то и уцелели некоторые – самые младшие, наименее сильные из наименее влиятельных кланов. А может, где-то можно было и укрыться от действия заклатья. Но он говорит, судя по тому немногому, что ему известно из магических теорий, заклатье должно было убить всех.

Я пожал плечами и кивнул:

– Угу, думаю, так и есть. Многое, конечно, зависит от того, правильно ли проведен ритуал.

Главное, Красной Коллегии больше нет. Как и Черной. Жизнь может продолжаться. Все они обратились в прах.

– Когда пала Красная Коллегия, – продолжала Мёрфи, – их территория вдруг оказалась незанятой. Возник вакуум власти, понимаешь?

О господи!

Красная Коллегия пыталась убить мою дочку и всех, кто еще остался от моей семьи, и я не буду страдать бессонницей из-за того, что с ними, с Красными, произошло (если, конечно, допустить, что я вообще смогу спать в моем нынешнем положении). Но я не думал дальше этого момента, не думал о долгосрочных последствиях уничтожения всей Красной Коллегии до основания.

Коллегия принадлежала к сильнейшим сверхъестественным расам мира. Под их контролем находился целый континент и даже больше: вся Южная Америка и часть Центральной. Деловая же их активность распространялась на весь мир. Они владели недвижимостью. Акциями. Корпорациями. Банковскими счетами. Можно сказать, они держали у себя в кармане несколько правительств. Все, чего душе угодно.

Совокупная стоимость их владений не поддавалась исчислению.

И я вышвырнул все это на ветер, объявив тем самым начало новой игры. Как говорится, кто не успел, тот...

– Упс, – только и сказал я.

– Дела обстоят... паршиво, – продолжала Мёрфи. – В Чикаго обстановка еще более или менее терпимая. Мы отразили худшие нападения – в основном от банды заносчивых недоносков, именуемых фоморами. И Паранет нам здорово помогает. Это спасло буквально сотни, если не тысячи жизней.

Краем глаза я увидел, как Эбби распрямила спину и какой силой и уверенностью засветился ее взгляд. Да, такой Эбби я не видел еще ни разу.

– Хуже всего, по большому счету, пришлось Латинской Америке, – говорила Мёрфи. – Теперь всякий, кто обладает минимумом магических способностей и поддержкой в сверхъестественном мире, увидел шанс основать собственную империю. Все старые конфликты и обиды вынуты из шкафов. По всему миру потусторонние твари убивают друг друга, а заодно и смертных. Стоит какой-нибудь большой рыбине перенести свою активность в Южную Америку, как на освободившееся место тут же налетают стаи мелкой рыбешки. В общем, куда ни глянь, повсюду идут бои. Белый Совет, я слышала, тоже рвет свою дряхлую задницу, пытаясь сохранить порядок и по возможности защитить обычных людей. Только мы их здесь не видели, если не считать пары раз, когда Страж Рамирес приезжал в поисках Молли...

– Молли, – перебил я ее рассказ. – Как она?

Словно во сне я слышал, как Морти передает мои слова. Я отметил, что он не без успеха старается передать все мои интонации. Похоже, в прошлом ему довольно часто доводилось заниматься чем-то подобным.

– До сих пор оправляется от ран, полученных в Чичен-Ице, – ответила Мёрфи. – Она говорит, что психически пострадала не меньше, чем физически. Да и ногу ей все-таки сильно повредили. Не знаю, каким образом твое исчезновение сделало ее преступницей в глазах Белого Совета, но это, судя по всему, именно так. Рамирес говорил нам, что Стражам приказано привести приговор в исполнение... Впрочем, не видно, чтобы он слишком надрывался, исполняя этот приказ. Уж я-то знаю, как это бывает, когда коп отлынивает от конкретного задания.

– Как она? – повторил я. – Мёрф, это же я. Как ей живется?

Она опустила глаза и сглотнула:

– Она... она не в себе, Гарри.

– В каком смысле?

Мёрфи снова подняла на меня взгляд и стиснула зубы:

– Она разговаривает сама с собой. Она видит то, чего здесь нет. Страдает головными болями. И галлюцинациями.

– Вполне в моем духе, – заметил я.

В тот же самый момент Уилл почти в унисон со мной произнес:

– Вполне в духе Гарри.

– Это совсем другое дело, – возразила Уиллу Мёрфи, – и ты это прекрасно знаешь. Дрезден контролировал себя. Он использовал все эти странности таким образом, чтобы сделать себя сильнее. Скажи, разве мы его боялись? Вот так, по-настоящему?

Уилл нахмурился и отвел взгляд на свои руки:

– Он мог быть пугающим. Но нет. Я никогда не боялся, что он сделает мне плохо. По случайности или как-то иначе.

– А как ты относишься к тому, что Молли придет сюда? – спросила Мёрфи.

– Я бы лучше ушел, – признался Уилл. – Девчонка определенно не в себе.

– Короче говоря, – Мёрфи снова повернулась ко мне, – присутствие в городе чародея – в любом городе, по всему свету – очень важный сдерживающий фактор. Потусторонние силы боятся Совета. Они знают, что Белый Совет может очень быстро добраться до них и что противостоять ему – дело почти безнадежное. Большая часть местных монстров – по крайней мере, те, у кого есть хоть немного мозгов, – избегают ступать на территорию, подведомствен-

ную Белому Совету. Вот только когда ты исчез, а у Белого Совета своих забот полны руки... – Мёрфи покачала головой. – Господи! Даже желтая пресса начинает замечать, что в городе творится что-то не то. Короче говоря, Молли нигде не задерживается. Все время в движении. Однако она вбила себе в башку, что в Чикаго можно обойтись и без настоящего чародея из Белого Совета – довольно того, чтобы нехорошие парни думали, что он здесь есть. С этой целью всякий раз, как она расправляется с каким-нибудь незадачливым хищником, она оповещает об этом всех. Назвала себя Леди-Оборванкой и объявила Чикаго территорией, находящейся под ее защитой.

– Это безумие, – сказал я.

– Теперь ясно, что я имела в виду под «она не в себе»? – спросила у Морти Мёрфи; голос ее зазвучал резче прежнего. Она сделала вдох, успокаиваясь. – Самое безумное здесь то, что это срабатывает. По крайней мере, отчасти. Довольно многие нехорошие твари решили попытать счастья где-нибудь в другом месте. Хуже всего приходится университетским городкам в провинции. Но... но и здесь всякое происходит. – Она поежилась. – Жуткие вещи. По большей части с нехорошими парнями. Но иногда и с людьми. В основном с уличными хулиганами. Визитная карточка Леди-Оборванки – клочок ткани, который она отрывает от своей одежды и оставляет на теле врага. И в последнее время таких клочков все больше. В основном – на трупах.

Я поперхнулся:

– Вы считаете, это Молли?

– Мы не знаем, – ответила Мёрфи профессионально бесстрастным голосом. – Молли говорит, она не охотится ни за кем, кроме сверхъестественных врагов, и у меня нет оснований ей не верить. Но... – Мёрфи развела руками.

– Значит, когда ты говорила «Неряха Энн», ты имела в виду Молли?

– Вот такая она сейчас... оборванная, грязная, искалеченная кукла, – подтвердила Мёрфи. – Поверь мне, это довольно точное описание.

– Оборванная, искалеченная, страшная кукла, – негромко поправил ее Уилл.

– И вы... позволяете ей оставаться такой? – возмутился я.

Мёрфи стиснула зубы:

– Нет. Я говорила с ней раз десять. Мы даже пытались прогнать ее с улицы.

– Лучше бы мы этого не делали, – сказал Уилл.

– А что случилось? – спросил Морти.

Наверное, Уилл решил, что этот вопрос задавал я.

– Она расколошматила нас с легкостью молотка, загоняющего гвозди в пробковое дерево, вот что случилось. Свет, звук, всякие образы. Господи, я явственно видел, как монстры тащат меня в Небывальщину, – с такой четкостью, словно это происходило наяву. Все, что я мог, – это свернуться в комок и кричать.

От этого Уиллова описания желудок мой свело болезненной судорогой. Что само по себе странно, поскольку я не употреблял пищу и, боюсь, в моем нынешнем состоянии не буду есть. Наверное, просто мои призрачные внутренности запомнили это ощущение. Я отвернулся, пытаюсь отделаться от горечи во рту.

– Воспоминания – оружие, – негромко напомнил сэр Стюарт. – Острое, как клинок.

Мёрфи движением руки прервала Уилла:

– Вне зависимости от того, зашла она слишком далеко или нет, она единственная из всех нас обладает первоклассной магической мощью. Это не значит, конечно, что орден делает для нас мало, – добавила она, обращаясь к Эбби.

– Да ничего, – невозмутимо ответила блондинка. – Мы ведь все разные – по росту и по силе, не так ли? – Эбби посмотрела более или менее в моем направлении. – Мы выстро-

или обереги вокруг дома Кэррин. Триста человек из Паранета, все сообща. – Она дотронулась рукой до стены, где негромко гудела защитная энергия. – Это заняло у нас меньше суток.

– Это стоило две сотни пицц, – тихо заметила Мёрфи. – И штрафа.

– Но ведь оно того стоило! – укоризненно выгнула бровь Эбби.

Мёрфи потрянула головой, но я видел, что она с трудом сдерживает улыбку.

– В общем, мы ждем Молли, чтобы она подтвердила твои верительные грамоты, Гарри.

– Эм, – произнес Морти своим собственным голосом. – А это... это вполне безопасно, мисс Мёрфи? Если девушка была его ученицей, не окажется ли ее реакция на его тень... несколько эмоциональной?

Уилл фыркнул:

– Скорее уж с нитроглицерином возиться безопаснее. – Он сделал глубокий вдох. – Кэррин, вы уверены, что это необходимо?

Мёрфи медленно оглядела собравшихся. Эбби сидела, потупив глаза, но ее обыкновенно румяные щеки заметно побледнели; уши Тото несчастно поникли. Уилл не трогался с места, однако поза его выдавала готовность в любой момент выброситься в закрытое окно. Фортхилл выглядел спокойным и уверенным, но и он хмурил брови, а губы сжались в напряженную линию.

За исключением Фортхилла, все реагировали на это как на прямую угрозу.

Они все боялись Молли.

Мёрфи смотрела на них. Ростом она уступала им всем без исключения, зато лицо по выразительности напоминало гладкую льдину, а поза оставалась абсолютно уверенной. Казалось, она готова встретить любой поворот событий.

Однако я-то побывал с Мёрфи не в одной переделке и мог видеть сквозь оболочку, скрывавшую от других двигавший ею страх. Она не знала наверняка, реально мое присутствие или нет. С ее точки зрения, я мог оказаться какой-нибудь страшилкой с улицы, а это было бы для нее неприемлемо. Она хотела знать точно.

Проблема состояла в том, что какой бы ответ она ни получила – он в любом случае причинил бы ей боль. Определи во мне Молли нехорошего парня, и осознание того, что настоящий Гарри Дрезден все еще числится пропавшим без вести, предположительно – погибшим, после того коротенького контакта, который подарил ей Морти, будет ранить больнее замороженного лезвия. А если она узнает, что это действительно моя тень... Это будет еще хуже.

– Молли справится, – сказала Мёрфи. – Она нам нужна. С ней все будет в порядке. – Она провела рукой по своей короткой стрижке. Голос ее сделался глуше от терзавшей ее боли. – Не обижайтесь, мистер Линдквист. Не обижайся, Мистер. Но мне... нам надо знать точно.

Паранойя? Возможно.

Но даже если паранойя, это не значит, что рядом не стоит призрак чародея со слезами на глазах.

Глава 11

Немного погода в дверь кто-то поскребся, и Уилл отворил ее, пропустив в гостиную серого с рыжиной волка. Волк трусцой подбежал к дивану, на котором лежала одежда Марси, взял тряпки зубами и скрылся на кухне. Еще через несколько секунд из двери вышла, оправляя платье, Марси.

– Будет с минуты на минуту, – сообщила она. – Я уже предупредила Энди и Глаза.

– Спасибо, Марси. – Мёрфи еще раз окинула взглядом собравшихся. – Да успокойтесь же, наконец. А то вид у вас такой, словно сюда сейчас войдет Ганнибал Лектер.

– С Ганнибалом я бы справился, – заметил Уилл. – Это совсем другое дело.

Мёрфи подбоченилась:

– Уилл, Молли – одна из нас. Ты никак ей не поможешь своим нервным видом. Если не можешь сидеть спокойно, лучше выйди. Я не хочу, чтобы ты расстраивал ее еще сильнее.

Уилл поморщился, но вышел на кухню, а секунду спустя оттуда выбежал в гостиную здоровенный волк с мехом цвета Уилловой шевелюры. Он отошел в угол, крутанулся на месте раза три и улегся на полу. Тот радостно твякнул, спрыгнул с коленей Эбби и бросился к Уиллу. Точно так же покрутившись на месте, он плюхнулся на пол спина к спине с волком. Волк очень по-человечески, страдальчески вздохнул, но не пошевелился.

– Спасибо, – кивнула Мёрфи и покосилась на Морти. – Там, на кухне, на полу есть медный круг. Если здесь накалятся страсти, можете там укрыться. Умеете активировать круг?

– Да, конечно. – Он облизнул пересохшие губы. – Хотя я плохо себе представляю, чтобы я бежал, спасая свою жизнь, и задержался у вас на кухне. Не хочу сказать ничего дурного про ваши меры предосторожности, но я остановлюсь, только оказавшись у себя дома.

– Господи! – вздохнула Мёрфи. – Жаль, что мало кто отличается подобным здравомыслием.

В кармане у Мёрфи чирикнула рация, и Глаза начали докладывать что-то, однако слова почти сразу потонули в треске помех.

Напряжение в гостиной тут же повысилось на пару градусов. Чародеи и их магические способности плохо сосуществуют с техническим оборудованием. Чем сложнее устройство, тем разрушительнее для него присутствие чародея, а электроника выходит из строя в первую очередь. Хрипящая рация предупредила нас о приближении Молли лучше любого часового с его дежурным: «Стой, кто идет?»

– Хм, – произнес я.

– Что? – оглянулся на меня Морти.

– Степень помех, вызываемых присутствием занимающегося магией, зависит от его – или ее – силы.

– Вообще-то, я и так это знаю, – ответил Морти. – Именно поэтому мне приходится то и дело менять мобильники. А что?

– А то, что по части интенсивности магической энергии Молли – не то чтобы тяжеловес. Ей надо находиться практически вплотную к прибору, чтобы он вырубился с такой скоростью. – Я прищурился. – Она стала сильнее. Или...

– Или она уже в комнате, – договорил за меня Морти.

Мёрфи резко подняла на него глаза:

– Что?

Свет во всем доме мигнул и погас.

Ненадолго, всего на три или четыре секунды. Однако, когда он снова загорелся, Мёрфи держала в руке пистолет, Марси перекинулась волчицей, на шее которой болталось бесполезной тряпкой платье, а на диване между Эбби и Морти сидела молодая женщина, одетая в несколько слоев разных обносок.

Молли высокого роста, сложена как модель с постера, и ее длинных ног и волнительных форм не могли скрыть даже слои одежды. На хорошеньком лице на этот раз не было и следа макияжа; острые скулы выделялись, пожалуй, резче обычного. Грязные волосы, свалявшиеся неопрятными прядями, имели фиолетовый цвет такого оттенка, что казались почти черными. Деревянная трость того же цвета, что и волосы, стояла прислоненной к ее коленям, а между тяжелыми армейскими ботинками валялся потрепанный брезентовый рюкзак, почти сплошь покрытый кнопками, пуговками и нарисованными маркером знаками. Судя по реакции Эбби и Морти, пахло от нее так, словно душ она в последний раз принимала по меньшей мере неделю назад.

Но хуже всего оказались ее глаза.

Голубые глаза моей ученицы ввалились, очерченные темными кругами от стресса и усталости, и нездорово поблескивали – такой остекленевший взгляд мне доводилось видеть у людей, отходивших от наркоза.

– Интересно, как это вы меня заметили, – сказала Молли, обращаясь к Морти так, словно они мило беседовали уже некоторое время.

Эктомант вздрогнул; я видел, что он с трудом сдерживает желание сорваться с места и ринуться к своей машине.

Молли кивнула и огляделась по сторонам, задерживаясь взглядом на всех по очереди, пока не остановилась на Мёрфи.

– Надеюсь, Кэррин, наша беседа на этот раз будет иметь мирный характер.

Мёрфи, бросив на Молли мягкий взгляд в качестве упрека, убрала пистолет.

– И прошлая тоже была мирной. Мы твои друзья, Молли, и переживаем за тебя.

Моя ученица пожала плечами:

– Я не хочу видеть никого вроде друзей. Если вы причисляете себя к ним, лучше оставьте меня в покое, черт подери! – Последние слова превратились почти в рычание, после чего она сделала паузу, вдохнула-выдохнула и все-таки взяла себя в руки. – У меня нет ни времени, ни терпения на групповую терапию. Чего вам нужно?

Мёрфи помолчала, обдумывая ответ. В конце концов она избрала краткость:

– Нам нужно, чтобы ты подтвердила для нас кое-что.

– Я что, похожа на детектор лжи?

– Ты похожа на бездомное пугало, – невозмутимо ответила Мёрфи. – И пахнет от тебя, как от сточной канавы.

– Мне казалось, вы раньше работали детективом. – Молли возвела глаза к потолку. – Для того чтобы понять, что я никого не хочу видеть, особых дедуктивных способностей не требуется.

– Мисс Карпентер, – вмешался отец Фортхилл; голос его звучал мягко, но при этом властно, – не забывайте, что вы гость в доме этой женщины. Женщины, которая неоднократно рисковала своей жизнью ради спасения других – в том числе и вас.

Молли смерила отца Фортхилла взглядом, полным арктического холода.

– Со мной, – произнесла она тихим, ровным, монотонным голосом, – совершенно не обязательно разговаривать как с маленьким ребенком, отче.

– Если хотите, чтобы с вами обращались как со взрослой, – возразил Фортхилл, – вам стоило бы и вести себя соответственно. Что подразумевает в числе прочего вежливость к сверстникам и уважение к старшим.

Молли испепелила его взглядом, но все же промолчала и снова повернулась к Мёрфи:

– С учетом всех обстоятельств находиться здесь с моей стороны просто глупо. А я женщина занятая, мисс Мёрфи, – все клиенты, клиенты и клиенты. Поэтому я и пяти лишних секунд здесь не пробуду, если только вы не назовете мне достойной причины для задержки.

– Это Мортимер Линдквист, эктомант, – с готовностью ответила Мёрфи. – Он утверждает, что пришел сюда по просьбе призрака Гарри, который находится здесь же, с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.